

375

PA1-93 1p.

350202

На допросе начальника
С. В. Мурзакая-Карыбди
сона Абдурасимова

18
III 01

Главное (Николаевское) *) инженерное училище въ пятидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаний).

Сорокъ лѣтъ кануло въ вѣчность съ той минуты, когда за мной, инженернымъ офицеромъ, захлопнулись двери милыхъ мнѣ академіи и училища!.. Открывалась жизнь, широко разстипалось, и передъ рвавшимся къ дѣлу юношей, поле дѣятельности... Радостно билось сердце, надежды и планы роились въ головѣ, привѣтно манила къ себѣ лучезарная даль... Но осѣдала на сердцѣ и горечь: жаль было свѣтлыхъ минутъ, проведенныхыхъ въ стѣнахъ инженернаго замка, людей, съ которыми сжился и которыхъ судьба разметала по всему лицу необъятной Россіи...

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ встаютъ передо мной великия тѣни Отцовъ-Покровителей... Звучатъ, проникая въ далекіе тайники души, прощальная слова: «Господь съ вами!» Незабвеннаго Основателя училища, Императора Николая, сказанныя выпускнымъ 1854 года, передъ отправлениемъ ихъ, въ полномъ

*) Переименовано въ «Николаевское» послѣ кончины Императора Николая Павловича, Основателя училища.

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаний).

(Продолжение).

Наконецъ роковой день насталъ. Около девяти часовъ вечера, черезъ обширный дворъ инженерного замка, по гранитному крыльцу, вошли мы группою въ сѣни первого этажа (подвального этажа я не считаю). Прямо передъ нами поднималась бѣлая мраморная лѣстница, во второй этажъ, гдѣ помѣщались классы, на лѣво, надъ дверьми, висѣла надпись «кондукторская рота», а направо дверь «въ канцелярію». Мы отворили дверь «въ роту»: большая пріемная съ незатѣйливою мебелью и гравюрами военнаго содержанія по стѣнамъ, роялемъ и караульною платформой, (тутъ производились репетиціи караульной службы), прямо—дверь въ амунічникъ, направо—въ огромный рекреаціонный залъ, окнами на обширное гранитное крыльцо, обращенное къ Лѣтнему саду. Въ нишѣ средняго окна стоялъ на пьедесталѣ большой бронзовый бюстъ Великаго Князя Михаила Павловича, съ мѣдной подъ бюстомъ доской, на которой вырѣзана была выдержка изъ завѣщанія Великаго Князя «Прощаніе съ моими дѣтьми военно-учебныхъ заведеній», а на задней стѣнѣ—портретъ, во весь ростъ, Государя Николая Павловича. По водареніи Императора Александра Николаевича, портретъ его, также во весь ростъ, поставленъ былъ на той же стѣнѣ, а на пра вой, возлѣ входа въ первую камеру, около оконъ, врѣзана была бѣлая мраморная доска, окруженнная золотымъ лавровымъ вѣнкомъ съ офицерскимъ Георгіемъ 3-й степени на верху и распущенной георгіевской лентой: на скрижали этой высѣчены были фамиліи георгіевскихъ кавалеровъ, воспитанниковъ инженерного училища. «Францъ-Эдуардъ Тотлебенъ» открылъ собою эту доблестную лѣтопись.

Пройдя залъ, первую и вторую камеры (спальни), мы вошли въ фельдфебельскую, гдѣ, на порогѣ небольшой дежурной комнаты, настъ встрѣтилъ дежурный офицеръ, штабсъ-капитанъ Ф. В. Е-й, сутуловатый,

добродушный санеръ, въ сюртуке съ эполетами и шарфъ, съ каской безъ сultana въ лѣвой рукѣ.

— Честь имъ явиться! пробормоталъ я нес совсѣмъ твердо.

— Ну, въ добрый часъ! потрепалъ онъ меня по плечу;—Отыщите свое мѣсто... Должно быть въ большой камерѣ... Росту вы не Богъ вѣсть какого... до праваго фланговаго далеко*)!

Пошелъ я въ большую камеру черезъ круглую: встрѣтилъ меня дежурный портупей-юнкеръ, съ тесакомъ и повязаннымъ на немъ серебрянымъ темлякомъ, на широкой бѣлой перевязи черезъ плечо и съ каскою безъ сultana **) въ лѣвой рукѣ.

— Что, рябецъ, трусу празднуете?.. Какъ фамилия? (Я сказалъ)—Кувшиновъ! окликнулъ онъ проходившаго вахтера:—Покажи ему койку... Да смотрите, рябецъ, къ повѣсткѣ не опоздайте... Знаете къ чему повѣстка?

— На молитву, отвѣтилъ я.

— Хорошо. А потомъ соберитесь всей командой въ комнату гдѣ Митрофановъ сидить, кривой чоргъ, что платье чинить,—тамъ князь М. голоса будеть пробовать, въ пѣвчіе выбирать... Ну, идите...

Всѣ новички назывались «рябцами». Прозвище это, по преданію, произошло будто бы отъ того, что во время оно одна важная особа назвала новичковъ рябчиками, которыхъ старшимъ слѣдуетъ пощипывать для пріученія ихъ къ супортуому военному режиму и къ хорошей выправкѣ. Отъ рябчика и произошло слово «рябецъ» ***).

Камера, въ которую привель меня вахтеръ Кувшиновъ, выходила окнами на Фонтанку и была дѣйствительно большая, въ ней стояло около семидесяти коскъ, размѣщенныхъ въ четыре ряда: два посреди, одинъ по передней стѣнѣ, между окнами, и одинъ по задней. Койка моя пришлась къ счастію на задней стѣнѣ, возлѣ чулана съ чайными погребцами (о нихъ я скажу ниже). Кровать была желѣзная, окрашенная въ зеленую краску, недурной матрацъ и сѣрожелтое, подшитое простыней, байковое и стоглостое одѣяло. Въ головахъ, на желѣзной налѣкѣ, окрашенной тоже въ зеленую краску, надѣть было зеленый (въ лежачемъ положеніи) овалъ съ золотымъ ободкомъ и моей фамилией золотыми буквами, сверху—маленький зеленый ярлычекъ съ номеромъ. У кондукторовъ чиновныхъ фамилии писались иначе: у фельдфебеля—на золотомъ фонѣ красными буквами, у старшаго (капральаго) портупей-юнкера—на красномъ фонѣ золотыми, у младшаго портупей-юнкера—на красномъ форѣ се-ребряными буквами, у ефрейтора только ярлычекъ съ номеромъ былъ красный. Между кроватями стояли столики для занятій, съ ящикиами для книгъ и шкапчиками внизу для вещей, а около шкапчиковъ—табуреты, на которые, ложась спать, воспитанники укладывали свое платье и бѣлье. Для занятій имѣлись низенькие мѣдные подсвѣчники съ пятериковою стеариновою свѣчкой.

Вахтеръ Кувшиновъ, снисходительно входя въ мое тяжелое «рябцовское» положеніе, счѣль за нужное объявить мнѣ, что онъ—старшій надъ сторожами въ большой камерѣ, что онъ распорядится, если мнѣ будеть угодно, чисткой мнѣ сапогъ и отбѣлкой амуниціи и вечернѣмъ чаемъ и прочимъ, что мнѣ, «рябцу», было извѣстно только отчасти. Кромѣ того Кувшиновъ предупредилъ меня, что мой капральный

*) Въ камерахъ кондукторы, за исключеніемъ чиновныхъ, размѣщались по росту, причемъ правымъ флангомъ была первая камера. Въ каждомъ зводѣ (капральствѣ) были койки старшаго и младшаго портупей-юнкеровъ. Въ фельдфебельской, небольшой комнатѣ о двухъ окнахъ, снѣль фельдфебель и, по большей части его пріятели.

**) Каска съ сultanомъ полагалась для дежурныхъ только въ табельные дни.

***) Въ сѣверныхъ губерніяхъ рябчика называютъ и теперь «рябцомъ», «рябкомъ», «рябочкомъ».

портупей-юнкеръ К. скоро вернется изъ отпуска и мнѣ необходимо явиться къ нему, что человѣкъ онъ хороший, своего кондуктора въ обиду не дастъ, но и самъ спуску давать не любить, въ особенности по фронту, такъ какъ былъ прежде лихимъ ординарцемъ: «на дворцовой площадкѣ или въ манежѣ, когда присутствовали прѣзѣжіе принцы, не одинъ разъ къ Государю Императору подходилъ».

Въ 9^{3/4} часа пробилъ барабанъ повѣстку, рота, далеко неполная, выстроилась въ рекреаціонномъ залѣ развернутымъ фронтомъ, тыломъ къ окнамъ. Новички были конечно всѣ на лицо. Передъ фронтомъ помѣстился дежурный офицеръ (командиръ роты не всегда присутствовалъ), фельдфебель и дежурный портупей-юнкеръ. Фельдфебель скомандовалъ «смирно» и «на лѣво», чтобы повернуться лицомъ къ образцу, а дежурный портупей-юнкеръ, снявъ каску, прочель «Отче нашъ». По пробитіи «отбоя», фельдфебель скомандовалъ «скорымъ шагомъ маршъ», рота разбрелась по камерамъ, а барабанщикъ обошелъ ихъ съ боемъ вечерней зари. Тогда началось знакомство старшихъ кондукторовъ съ «рябцами», спрашивались фамилии, задавались вопросы: какъ зовутъ начальника училища, ротнаго командира, офицеровъ, высшихъ властей инженернаго вѣдомства, директоровъ военно-учебныхъ заведеній и проч., требовали объясненія нѣкоторыхъ училищныхъ терминовъ, предлагались любителями и глупые вопросы, напримѣръ: «что самое трудное?» бойкій рябецъ отвѣчалъ: «плонуть изъ окна четвертаго этажа, сбѣжать по лѣстницѣ и плевокъ поймать», «отчего Кавказа видѣть не похожъ на супъ перловый?»—«Оттого что пьяный жидъ, на пути любви терновой, обронилъ тамъ листъ лавровый!»—«Оттого у лошадей не растутъ во рту лимоны?»—«Оттого что у Диодона на помаду для сельдей не достало трехъ рублей»,—и т. под. Потомъ началась проба голосовъ; инженерный хоръ, съ придачею артилеристовъ (между инженернымъ и артилерійскимъ училищами существовала традиціонная дружба), славился въ лагеряхъ; репертуаръ составленъ былъ болѣе изъ военныхъ пѣсень, но исполнялись и народныя. Регентами, въ мое время, были князь М. и М—. Церковному пѣнію обучалъ Серебрянскій, теноръ изъ придворной капеллы. Въ пѣвчіе шли охотно, такъ какъ они пользовались нѣкоторыми льготами: послѣ царскихъ панихидъ или молебновъ, отпускались на весь вечеръ по домамъ, возились на казенныи счетъ въ театры, являлись изъ праздничныхъ отпусковъ часомъ позже другихъ кондукторовъ.

Аккуратные изъ портупей-юнкеровъ, а также и нѣкоторые, старшіе воспитанники, «изъ добрыхъ», спѣшили наставить новичковъ «на путь истины», рисовали передъ ними идеаль «настоящаго» кондуктора, объясняли имъ ихъ обязанности къ начальству, къ старшимъ, къ товарищамъ. Затѣмъ рябцамъ приказано было идти спать. Имъ показали какъ складывать по формѣ синіе, полосатые чахлы, которыми на день покрывались кровати, платье и бѣлье и сдѣлано предупрежденіе «вскакивать утромъ съ постелей горошкомъ, при первыхъ звукахъ барабана».

Въ учебномъ отношеніе училище раздѣлялось на четыре класса, называвшіеся «кондукторскими», такъ какъ воспитанники назывались «кондукторами» (то-же что юнкера). Первый классъ былъ самый старшій, четвертый—самый младшій. Первый классъ беззранично властновалъ надъ третьимъ и четвертымъ, второму подчинялся одинъ четвертый. Власть старшихъ классовъ была огромна: не говоря уже о чиновныхъ кондукторахъ, официально имѣвшихъ право ставить провинившихся, въ свободное отъ занятій время, подъ ружье *) и оставлять безъ отпуска, старшіе воспи-

*) Поставленный «подъ ружье» ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ сойти съ мѣста; выбиралось обыкновенно ружье по-

таники первого и второго классовъ, въ предѣлахъ ихъ келейной власти, продѣливали то-же самое *) и начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Не преслѣдовало оно и болѣе секретное право требовать къ себѣ виновнаго для получения наказанія... тѣлеснаго. Практиковалось оно нѣрѣдко, но, надо сказать правду, только кучкой любителей и обыкновенно за болѣе или менѣе серіозный проступокъ. Лишь въ случаѣ упорнаго неповиновенія новичковъ или открытаго сопротивленія ихъ кому-либо изъ старшихъ, что впрочемъ случалось крайне рѣдко,—вступались за него товарищи.—«Явitezъ ко мнѣ!» приказывалъ старшій, назначая время и мѣсто. Являлись по большей части вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, въ «кавалергардской формѣ», т. е. въ нижнемъ бѣльѣ. Націенту предлагалось встать «въ позу», иными словами нагнуться такъ, чтобы тѣло провинившагося образовывало тупой уголъ. Орудіями наказанія служили линейка и каучуковый хлыстъ зимою, птицы и ружейный шомполь—лѣтомъ, въ лагеряхъ. Ударовъ давалось иногда до двадцати (въ исключительныхъ случаяхъ), чаще отъ трехъ до десяти. Просить прощенія, а тѣмъ болѣе плакать или кричать, воспрещалось подъ страхомъ усиленія наказанія, да и самими наказуемыми считалось позорнымъ.

Эти крѣпостныя отношенія старшихъ воспитанниковъ къ младшимъ, какъ мы слышали, развились въ особенности съ того времени, когда въ училище допущенъ былъ приемъ сыновей купцовъ, конечно съ большими ограниченіями; очень можетъ быть, что дѣти Китѣй, насмотрѣвшись дома на царство кулака, перенесли въ училище грубыя привычки роднаго очага. Во всякомъ случаѣ этотъ наложенный режимъ въ инженерномъ училищѣ былъ до нельзя страшенъ: ни въ немъ, ни въ артиллерійскомъ училищѣ наказаніе розгами, какъ это заведено было въ корпукахъ, не практиковалось, такъ какъ воспитанники этихъ двухъ училищъ, съ поступленіемъ въ нихъ **), счи-тались уже на дѣйствительной службѣ, которая при-считывалась къ пенсионному сроку.

Въ строевомъ отношеніи училище составляло роту изъ 126 человѣкъ и имѣло ротнаго командира (полковника), четырехъ взводныхъ офицеровъ и одного запаснаго, дежурившихъ въ ротѣ, по очереди, сутки и ходившихъ съ ротою во фронтѣ на ученьяхъ и парамахахъ ***). Въ ротѣ были слѣдующіе чины: фельдфебель, четыре портупей-юнкера (унтеръ-офицера) старшихъ или капральныхъ, восемь младшихъ и ефрейторы. Фельдфебель и портупей-юнкера принадлежали къ первому классу, а ефрейтора къ первому и второму. Фельдфебель пользовался большою офицерскою властью и значеніемъ. Онъ могъ лишить отпуска, на одинъ праздничный день, цѣлый четвертый или третій классъ (что и бывало) и посадить любого воспитанника изъ этихъ классовъ подъ кратковременный арестъ. Не только дежурные офицеры, но и командиръ роты называли фельдфебеля неиначе какъ по имени и отчеству и только начальникъ училища называлъ его по фамиліи. Изъ отпуска фельдфебель являлся позже всѣхъ и каждый день вечеромъ, если

тяжелѣе и, при прежнемъ держаніи его въ лѣвой руцѣ «подъ прикладъ», рука скоро затекала. Иногда давали провинившемуся по ружью въ каждую руку, а если проступокъ былъ крупный или наказавшій жестокъ—то помѣщали еще и третью, поперекъ, зацѣпляя его за ружейные ремни.

*) Рабы скрывали только, что наказаны безъ отпуска, объясняя для виду что или больны или идти не къ кому. Бойкихъ родственниковъ упрашивали не возбуждать дѣла, нутяя ихъ возмѣдіемъ, которое неминуемо падаетъ на голову наказанного.

**) Вѣраѣ съ полученіемъ погонаовъ, которые давались смотря по поведению и фронтовымъ успѣхамъ.

***) Гвардія капитанъ А. И. Савельевъ (впослѣдствіи ротный командиръ), капитанъ В. И. Винтеръ, штабс-капитанъ О. В. Еллинскій, поручикъ Рудовскій, поручикъ Назанскій и поручикъ К. С. Семеновъ. Послѣдній былъ определенъ по назначеніи А. И. Савельева ротнымъ командиромъ.

служба и уроки позволяли, могъ, сказавшись коман-диромъ роты, уходить со двора. Ему одному разрѣшено было носить свое платье и шинель подбитую (до талии) байкой вмѣсто холстины. Фельдфебелемъ и въ портупей-юнкера выбирали молодыхъ людей не только лучшихъ по успѣхамъ въ наукахъ, но поведенію и по фронту, но и приличныхъ по виду. Обращалось также вниманіе на распорядительность и энергичность. Ротные офицеры, даже самые лучшіе, какъ власть, очень мало значили: въ случаяхъ крупныхъ безпорядковъ они всегда обращались къ фельдфебелю и тотъ, смотря по инциденту, дѣйствовалъ или самъ лично, офицерально, или черезъ своихъ товарищѣй, келейно. Въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, ротнымъ командиромъ былъ полковникъ Даніилъ Антоновичъ Скалонъ, высокій, плотный, съ загорѣлымъ лицомъ, уже немолодой—онъ представлялъ изъ себя типъ фронтовика: держался прямъ, старался выказать себя строгимъ и говорилъ отрывисто, точно команда-валъ. Относительно начальника училища онъ поста-вилъ себя довольно независимо. Провинившихся воспитанниковъ, въ горячую минуту, пушилъ какъ го-ворится «во всю», не рѣдко наказывалъ, а въ се-ріозныхъ случаяхъ всегда отстаивалъ виноватаго. Подъ грубоватою вѣшнотю, Д. А. скрывалъ добрѣшее сердце. Помнится мнѣ какъ, въ лагерѣ, заболѣлъ у насъ сильнѣйшимъ тифомъ одинъ изъ кондукторовъ; Д. А. почти каждый день, въ свободное время, заходилъ въ отрядный лазаретъ, усаживался около больнаго и вѣткой отмакивалъ отъ него мухъ! А какъ этотъ милый человѣкъ обрадовался когда, послѣ долгаго выздоровленія, юноша вернулся въ роту! Мы всѣ видѣли какъ Д. А. расцѣловалъ его, какъ родно-го сына, и какъ крупныя слезы сверкнули изъ подъ нависшихъ бровей старого сапера! Конецъ его жизненаго поприща вполнѣ соотвѣтствовалъ его жизни: произведеній въ генералы, онъ получилъ мѣсто бри-гаднаго начальника гдѣ то на югѣ, посыпалъ переполненные тифозными больными госпитали, заразился и умеръ.

Замѣстившій его, прежній старшій офицеръ, гвардія капитанъ Александръ Ивановичъ Савельевъ *) походилъ на Даніила Антоновича только добротою (онъ много и тайно помогалъ бѣднымъ воспитанникамъ): по вѣшности онъ былъ средняго роста, худощавый, весьма деликатный въ обращеніи человѣкъ, рѣдко раздражался, еще рѣже кричалъ не только на воспитанниковъ, но и на служителей. Замѣчанія дѣ-лать всегда вѣжливо, но наложенное наказаніе почти не отмѣнялъ. Своимъ относительно небольшимъ жа-лованьемъ онъ содержалъ старуху-мать и пожилую сестру-дѣвицу и мы видѣли какъ нѣжно предупреди-тельно онъ къ нимъ относился. А. И. любилъ инже-нерное дѣло: много читалъ и печатался въ разныхъ военныхъ журналахъ, въ настоящее время, если не ошибаюсь, напечатано или печатается крупное его сочиненіе по инженерному искусству.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаний).

(Продолжение).

День въ училищѣ начинался съ семи часовъ утра; барабанщикъ выбивалъ въ рекреационномъ залѣ первое колѣно утренней зари и затѣмъ проходилъ по всѣмъ камерамъ, деликатно умѣряя бой около коекъ портупей юнкеровъ и старшихъ кондукторовъ и усиливая его около младшихъ. Первыми, «горошкомъ», вскакивали рѣбцы и шли мыться въ умывальную полутемную комнату, около первой камеры; затѣмъ вставали третьякласники, а старшіе нѣжились. Дежурный офицеръ обходилъ камеры, торопилъ повичковъ и третій классъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на переваливаніе съ боку на бокъ старшихъ. Къ половинѣ восьмаго вставала вся рота; барабанъ билъ «на молитву»; на которую собирались человѣкъ 70—80,—остальные занимались еще туалетомъ. Ротный командиръ не всегда являлся къ утреннему чаю, начальникъ училища—почти никогда; да вообще послѣдній посѣщалъ камеры только въ исключительныхъ случаяхъ. Рота, по командѣ фельдфебеля, шла въ столовую, круглую комнату, между большою камерой и лазаретомъ, парами; по пути догоняли запоздавшіе. Кондукторы становились за столами лицомъ къ образу, пѣли по барабанному бою, хоромъ молитву «Очи всѣхъ на Тя Господи, уповають» и затѣмъ садились. Въ скромные дни давали кофе (съ большимъ количествомъ ячменного и цикориаго) съ молокомъ и булкой, въ посгные—какую-то смѣсь кипятка съ патокой и духами, чѣто въ родѣ сбитня. Безъ десяти минутъ восемь вставали изъ за стола, пѣли «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ» и шли въ рекреационный залъ строиться по классамъ. Тутъ фельдфебель прочитывалъ дневной нарядъ разныхъ дежурствъ, назначенія на строевые ученія, въ мастерскія и пр. Въ восемь часовъ всѣ были въ классахъ и до девяти приготавливали уроки.

Классы помыкались въ бѣльэтажѣ, окнами въ лѣтній садъ. Изъ помыщенія роты, по бѣлой мраморной лѣстницѣ, входили въ обширную прѣемную; прямо изъ нея была дверь въ круглую конференцъ залу, съ золочеными украшеніями по карнизамъ и дверямъ, съ плафономъ и картиной, писанной на холстѣ масляными красками; по стѣнамъ стояли стеклянные шкафы съ геодезическими инструментами. Изъ конференцъ-залы переходили въ огромную высокую комнату—библиотеку, тоже съ росписнымъ плафономъ *); середину занималъ рядъ столовъ-шкафиковъ, по задней стѣнѣ высились въ два этажа громадные книжные шкафы; винтовая лѣстница вела въ верхній этажъ, отдѣлявшійся отъ нижнаго легкимъ балкономъ съ решеткой, между окнами выходившими на дворъ въ простынкахъ, тоже были шкафы, часть которыхъ наполнена была книгами завѣщанными училищу Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Библиотека училища считалась богатою по специальному инженернымъ отдѣламъ.

Изъ библиотеки посѣтитель входилъ въ артиллерійскій и инженерный музей, длинный залъ съ цилиндрическимъ, лѣпнымъ потолкомъ, шкафами съ различными орудіями инженернаго и артиллерійскаго дѣла, снарядами и проѣ. и большими витринами, въ которыхъ красовались великолѣпныя модели артиллѣ-

*) Только въ конференцъ-залѣ да въ библиотекѣ и упѣли плафонные картины и золоченые украшенія карнизовъ, наличниковъ и дверей; изъ другихъ комнатъ картины вывезены, а золотая отдѣлка закрашена бѣлой kleевой краской! Отковыпывая ее изъ любопытства, мы возстановляли блестящіе

рійскихъ орудій (полевыхъ, горныхъ и осадныхъ), обозовъ, понтонныхъ парковъ, съ упряжью и со всѣми принадлежностями, въ уменьшенномъ, но совершенно вѣрномъ, масштабѣ. Изъ артиллерійскаго былъ выходъ на большую парадную *) лѣстницу, ведущую въ помѣщенія начальника училища и инженернаго департамента.

Направо изъ приемной открывался огромный модельный залъ; модели фортификаціонныхъ работъ, системъ крѣпостей, военныхъ зданій и пр. размѣщались на большихъ столахъ и окружены были балюстрадой. Въ стѣнахъ зала, въ простенкахъ оконъ, врѣзаны были сѣрыя мраморныя доски, съ именами офицеровъ, окончившихъ первыми офицерскіе классы училища (впослѣдствіи академіи). У средней двери, ведущей на балконъ, стоялъ столъ, у котораго обыкновенно сидѣлъ дежурный офицеръ и собирались, въ перемѣны, инспекторъ классовъ и преподаватели. Приходилъ туда изъ конференцъ-залы и начальникъ училища. На лѣво изъ модельной шла цѣлая анфилада первый, второй и третій классы и комната передъ ротною церковью **), въ которой продавались свѣчи; дверь въ нее отворялась только во время богослуженій. Изъ третьаго класса, нальво, дверь вела въ небольшую, плохо освѣщенную комнату (окнами на маленький дворъ)—въ четвертый классъ, называвшійся по своей неприглядности «Камчаткой». Первые три класса были большія, высокія, свѣтлыя комнаты; по стѣнамъ стояли шкафы для чертежныхъ досокъ. Черные, съ горизонтальною верхнею доской, столы съ лавками и ящиками, со врѣзанными чугунными черпильницами, поставлены были перпендикулярно къ окнамъ, такъ что свѣтъ приходился съ лѣвой стороны; широкій проходъ оставленъ былъ между окнами и учебными столами. Каѳедръ не было; для преподавателя ставился столъ, вилотную къ первому ученическому столу, и кресло обитое черной кожей.

Направо изъ модельной входили въ младшій офицерскій классъ (впослѣдствіи теоретическое отдѣленіе академіи), потомъ въ физическій кабинетъ и старшій офицерскій классъ (практическое отдѣленіе академіи); въ смежный «Георгіевскій залъ», съ чудными моделями крѣпостей входили только съ профессорами, по мѣрѣ надобности.

При этомъ мнѣ вспоминается какъ въ концѣ 1854 или въ началѣ 1855 года мы были напуганы прѣздомъ Государя Николая Павловича. Было около двухъ часовъ дня. По обыкновенію, передъ тѣмъ, чтобы идти обѣдать, мы умывались и надѣвали новыя куртки. Вдругъ донесся до насъ, обитателей большой камеры крикъ: «по кроватямъ!***) Сломя голову, застегиваясь на ходу, бросились мы къ койкамъ. Изъ первой камеры долетѣло до насъ, какъ бы робкое: «Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество!», затѣмъ раздался металлический тембръ Государя, раздраженно выговаривавшаго кому-то, и вскорѣ показалась Его высокая мощная фигура. За нимъ шелъ старикъ инженеръ—генералъ Ф., со склоненною головой, и молча выслушивалъ упреки разгневаннаго монарха. У многихъ изъ насъ захолонуло сердце. Впрочемъ Государь милостиво поздоровался съ нами, но прошелъ молча, безъ обычныхъ привѣтовъ, и мы не посмѣли проводить его, по обыкновенію, на крыльцо. Поводомъ къ гнѣву Государя, какъ мы потомъ узнали, послужило то, что генералъ Ф. разрѣшалъ осматривать модели нашихъ крѣпостей, даже иностранцамъ, и между прочимъ Севастополя, который тогда уже находился въ осадѣ.

*) Во времена Императора Павла.

**) Эта ротная церковь была устроена въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а до этого кондукторы и всѣ жившіе въ инженерномъ замкѣ посѣщали храмъ, бывшій дворцовый, выхodящій на Большую Садовую.

***) Послѣ этой команды, каждый кондукторъ становился въ концѣ своей кровати, въ промежутокъ съ сосѣдней.

Въ девять часовъ приходили учителя и начинались занятия. Въ каждомъ классѣ былъ старшій и его замѣститель. Обязанности старшаго заключались въ полученіи отъ библіотекаря, по требованіямъ преподавателей, канцелярскихъ принадлежностей и учебныхъ пособій, въ исполненіи приказаній учителей и докладѣ начальству и почетнымъ посѣтителямъ о состояніи класса.

До 11½ часовъ было два урока, съ перерывомъ на четверть часа. Начало и конецъ урока возвѣщались барабаномъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго выходили изъ классовъ и спускались въ камеры. Завтрака не полагалось; для желающихъ выставленъ былъ въ столовой, нарѣзанный ломтями хлѣбъ и квасъ въ графинахъ. И хлѣбъ и квасъ не отличались доброкачественностью: первый почти всегда былъ съ закаломъ, а второй варился изъ подгорѣвшаго солода и отзывался горечью. Большинство покупало на свои деньги, а чаше брали въ долгъ у буфетчика, криваго Галкина, бутерброды и сладкіе пирожки, называвшіеся «прянками». Лавочка Галкина помѣщалась въ окнѣ столовой, изъ котораго обыкновенно принимались служителями блюда съ кушаньями. Воспитанники побогаче дѣлали складчину и посыпали сторожей или въ колбасную Людекенса, на Симеоновской, за «кнаквурстами» (толстые вѣнскія сосиски съ бульономъ) и вареной колбасой или въ кондитерскую Файе, на Каваланной, за горячими пирожками.

Въ половинѣ первого у рябцовъ начиналось строевое одиночное или шереножное ученье, которое производили командированные для этого саперные унтер-офицеры. Въ концѣ ученья являлся дежурный офицеръ, а иногда и командиръ роты; чаше же фельдфебель или кто-либо изъ портупей-юнкеровъ и результатомъ этого смотра, зачастую, бывало стояніе подъ ружьемъ или лишеніе отпуска. Воспитанники другихъ классовъ, по наряду или по желанію, отправлялись въ мастерскія, помѣщавшіяся въ трехъ комнатахъ за рекреаціоннымъ заломъ, воспитанники обучались плотничному, столярному и токарному ремесламъ, а также каменной кладкѣ и приготовленію различныхъ растворовъ и цементовъ. Клали стѣнки, своды и даже небольшіе казематы. Для этой цѣли заготовлены были особые кирпичи, въ значительно уменьшенному, противъ настоящихъ, размѣрѣ. Большинство кондукторовъ любило эти занятія, въ особенности токарное и столярное ремесла.

Въ два часа занятія кончались; многіе (рябцы обязательно) шли мыться и затѣмъ всѣ переодѣвались въ новыя куртки, которая тѣтка-же постѣ обѣда снимались. Дѣлалось это въ ожиданіи посѣщеній высокихъ особъ. Государи Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ часто посѣщали училище, въ особенности камеры и лазаретъ. Николай Павловичъ любилъ заглядывать и ночью, причемъ осматривалъ сложенное на табуретахъ платье и бѣлье и провѣрялъ исправность дежурныхъ служителей и фельдшеровъ. Случалось что и днемъ, обходя выстроенныхъ «по кроватямъ» кондукторовъ, Государь вдругъ останавливался передъ кѣмъ-либо изъ воспитанниковъ, приказывалъ ему раздѣваться—и горе начальству если на юношѣ оказывалось бѣлье недостаточно чистое или замѣчался бозпорядокъ въ одеждѣ. Но при мнѣ этого не случалось: начальство наше, зная Государя, всегда было на чеку и за неряшливымъ кондукторомъ слѣдило внимательно.—Великій Князь Николай Николаевичъ навѣщалъ настъ уже въ царствованіе Александра II и большою частью во времія годовыхъ экзаменовъ; мы очень рѣдко бывали его посѣщеніямъ, такъ какъ при немъ невозможны были придики или несправедливости нѣкоторыхъ преподавателей, и всегда сожалѣли о краткости пребыванія его на экзаменахъ. Прѣзжало къ намъ и супруга Великаго Князя, Великая Княгиня Александра

дра Петровна, часто одна; садилась въ кресло и окружала себя воспитанниками. Держала она себя совершенно доступно и была крайне добра и привѣтлива. Изъ высшаго начальства посѣщали насъ: начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній И. И. Ростовцевъ и начальники штаба инженернаго корпуса В. Г. Политковскій и замѣстившій его К. П. фонъ-Кауфманъ *). Послѣдніе двое вступали съ нами въ военно-научные разговоры, сообщали намъ (во время восточной войны) новости съ береговъ Дуная, изъ Крыма и посвящали насъ въ подробности инженерныхъ работъ подъ Севастополемъ и подвиговъ офицеровъ и солдатъ. Съ большимъ вниманіемъ слушали мы эти разсказы, въ особенности неторопливую, симпатичную рѣчь Константина Петровича (Кауфмана). Хорошо было въ этихъ разсказахъ то, что, обращениемъ своимъ, крайне близко становились къ намъ, юношамъ, эти пожилые генералы-начальники, такъ близко, что мы нисколько не затруднялись и переспросить ихъ иной разъ и попросить вторичнаго объясненія непонятаго нами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

особъ, когда экономъ шелъ сзади ихъ въ общей свитѣ, безцеремонно щипали его, и довольно внушительно, зная что онъ вынужденъ будетъ вынести боль безъ малѣшаго протеста.

Отъ 3 до 4 часовъ, большинство воспитанниковъ гуляло на плѣду, обраѣнномъ къ Лѣтнему саду, а нѣкоторые изъ старшихъ валялись на постеляхъ или спали; дежурный офицеръ не обращалъ на это вниманія. Около четырехъ часовъ шли въ классы, на третій и четвертый уроки, и оставались тамъ до семи. Въ семь часовъ спускались въ камеры и до половины восьмаго шили свой чай (конечно состоятельный); казеннаго, ни чая ни сбитня, не полагалось. Для чаепитія составлялись кучки въ два-четыре человѣка, которые сообща заводили самоваръ и поочередно покупали чай, сахаръ, лимоны или лимонную кислоту, иногда булки или бублики. Погребцы и чайныя шкатулки хранились въ особомъ чуланѣ (въ большой камерѣ), подъ надзоромъ служителей, которые грѣли самоваръ и закупали принадлежности къ чаю. Мѣсячная плата служителю, съ каждого воспитанника, простиралась отъ пятидесяти копѣекъ до рубля. Съ половины восьмаго до девяти были слѣдующія занятія: по понедѣльникамъ—фехтованіе на рapiрахъ и бой на сабляхъ и штыкахъ, подъ руководствомъ извѣстныхъ инструкторовъ Соколова и Вентенбрюка; по вторникамъ—урокъ танцевъ (сплошь и рядомъ кончавшійся только передъ ужиномъ) милѣшаго M-r Dutac'a, причемъ кондукторами, отъ себя, занимались четыре музыканта *); въ среду—баня. Рябцы и третьеклассники ходили въ баню цѣлыми классами, подъ надзоромъ дежурнаго ефрейтора, и больше пачкались чѣмъ мылись; второй и первый классы—группами, не стѣсняясь временемъ. Послѣ всѣхъ мылся фельдфебель съ пріятелями, причемъ обязанности банщиковъ исполняли камерные служители. Въ четвергъ производилось для рябцовъ поинтонное ученіе, т. е. собственно сборка и разборка поинтоновъ, въ пятницу—строевое ученіе, а для желающихъ изъ другихъ классовъ открывались мастерскія **). Въ субботу, по окончаніи вечерней лекціи (наканунѣ праздниковъ полагалась только одна лекція), воспитанники переодѣвались въ мундиры и увольнялись въ отпускъ, съ выдачей билетовъ, причемъ отсутствие на кровати праздничной одежды и оружія обозначало оставленіе безъ отпуска и часто бывало сюрпризомъ для новичковъ и третьеклассниковъ.

При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, мундиръ нашъ былъ однобортный, съ короткими фалдами, на красной бязевой подкладкѣ, воротникъ черный суконный, съ красными кантами по верхнему и нижнему (ученый) краямъ съ серебрянымъ галуномъ вокругъ и серебряной петлицей, рукава обшиты такими же галуномъ съ двумя галунными петличками, пуговицы серебряные съ сіяніемъ ***), погоны красные, брюки черные съ красною выпушкой. Кармановъ не полагалось; носовой платокъ носился въ лѣвомъ рукавѣ, который для этой цѣли кроился шире, а деньги укладывались въ языкъ галстуха, къ которому пришивалась сумочка. При обыкновенной формѣ, носился черезъ

*) Танцовали всегда въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ; мытье ихъ, нѣкоторыми изъ старшихъ, поручалось иногда рабамъ.

**) Изрѣдка, по четвергамъ, или пятницамъ, по указаніямъ преподавателя фортификаціи, воспитанниками четвертаго и третьаго классовъ производились въ задней комнатѣ амуничики, гдѣ стоялъ большой, на козлахъ, ящикъ съ сырьемъ пекарскіемъ, трассировкой и постройкой полевыхъ укрѣплений (батарей, редутовъ, люнетовъ и пр.), въ небольшомъ масштабѣ, и одежда ихъ игрушечными турмами и фашинами.

***) Для военно-учебныхъ заведеній установленъ былъ общий гербъ, золотой: въ небольшомъ полуокружѣ орелъ, окруженній большими сіяніемъ; у артиллерійскаго училища, подъ орломъ, прибавлены были на крестъ сложенные пушки съ дымящейся посрединѣ бомбой, а у инженернаго, при бѣлой арматурѣ—два скрещенные топора, также съ дымящейся бомбой.

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Въ половинѣ третьаго рота, по барабану, строилась къ обѣду: являлся ротный командиръ. Фельдфебель командовалъ: «рота нальво, скорымъ шагомъ маршь!» и воспитанники, съ дежурнымъ портупей-юнкеромъ во главѣ, шли парами въ столовую; шестнадцати замыкали ротный командиръ, дежурный офицеръ, фельдфебель и барабанщикъ. По пробитіи повѣстки, нѣлась хоромъ предъбѣднная молитва и воспитанники садились за столы. На концахъ каждого стола сидѣли портупей-юнкера, а въ головѣ средняго фельдфебель. Ротный командиръ и дежурный офицеръ стояли обыкновенно у окна, гдѣ на особомъ столикѣ ставилась пробная порція. Супъ разливали портупей-юнкера. Сервировка была незатѣливая: оловянныя миски и блюда, рыночные, толстаго стекла стаканы и очень дешевый фаянсовый сервизъ. Меню обѣда состояло изъ трехъ блюдъ: горячаго (супъ, борщъ, щи, въ посту горохъ, какая нибудь жиidenъская похлебка) съ большими, изъ тяжелаго тѣста, пирожками или гречневой кашей на сковородѣ, мясного (говядина, солонина, рубленыя котлеты съ морковнымъ, картофельнымъ или бобовымъ соусомъ) и пирожного (желе, сладкіе чицоги, кисели, а въ посту—«aermes Ritter», т. е. ломти бѣлого хлѣба, намоченные въ миндальномъ молокѣ, съ двумя-тремя ягодками варенья на верху, алашки и дешевые компоты). Мясное блюдо замѣнялось въ посту жареной плоховатой рыбой или вареной мелкой корюшкой или ряпушкой, съ капустнымъ соусомъ, или размазней на постномъ маслѣ. Вообще кормили наскъ худо. Для чиновныхъ кондукторовъ существовало странное положеніе: фельдфебелю отпускалось три, а портупей-юнкерамъ по двѣ порціи каждого кушанья, какъ будто полученіе нашивокъ должно было увеличивать аппетитъ!

На эконома, гарнизоннаго поручика И., кондукторы постоянно злились и при всякомъ удобномъ случаѣ старались вымѣстить на немъ свое дурное питаніе. И. зналъ это и потому тщательно избѣгалъ встрѣчъ со своими недругами: во время обѣда или ужина онъ никогда не появлялся въ столовой (развѣ въ экстренныхъ случаяхъ, когда начальство потребуетъ) и распоряжался подачей блюдъ изъ окна криваго Галкина. За то кондукторы, при прѣѣздахъ высокихъ

*) См. сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства юстиціи Сиб. 1873 года, стр. 468—470.

щелочно, на отбѣленной^{*)} перевязи, тесакъ сапернаго образца, а головнымъ уборомъ служила каска съ серебрянымъ сияніемъ и чернымъ волосянымъ султаномъ. При полной формѣ надѣвалась патронная сумка, пригонявшаяся сзади къ тесаку, шанцевый инструментъ^{**)} и ранецъ съ отбѣленными ремнями, скреплявшимися на груди.

Чиновные кондукторы отличались отъ рядовыхъ галунными нашивками: у ефрейтора поперечная, внизу погона^{***)}, у младшаго портупей-юнкера вдоль погона, по срединѣ, у старшаго—кругомъ погона, у фельдфебеля—кругомъ и посрединѣ. Кромѣ того у фельдфебеля и портупей-юнкера навязывались на рукоятки тесаковъ серебряные офицерскіе темляки^{****)}.

При Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ форма была измѣнена: вмѣсто мундира съ фалдочками, введенъ былъ двубортный полукафтанъ, съ бархатными закругленіями воротникомъ и обшлагами; на погоны данъ былъ желтый, высѣчной вензель^H I (и самое училище переименовано изъ «Главнаго» въ «Николаевское») и измѣнены отличія чиновныхъ кондукторовъ: фельдфебелю даны были широкая поперечная нашивка вверху погона и двойные галунные шевроны на рукава (но только угломъ кверху рукава), старшему портупей-юнкеру три узкія поперечныя нашивки вверху погона и одинъ галунный шевронъ на рукава, младшему—двѣ узкія поперечныя нашивки вверху погона, безъ шеврона, ефрейтору—одна узкая нашивка. Темляки оставлены были по прежнему. Бѣлые амуниціи замѣнены были черными, лакированными, а тесакъ сталъ носиться на поясномъ ремнѣ съ бронзовою пряжкою.

Время отъ 9 до 9^{1/2} часовъ предназначалось для приготовленія уроковъ; потомъ ужинали^{*****}) и, послѣ общей молитвы и пробитія вечерней зари, въ десять часовъ, ложились спать.

Но ложились только рѣбцы: даже третьеклассникамъ разрѣшено было заниматься еще часъ—другой приготовленіемъ уроковъ, такъ какъ времени на это назначалось крайне мало (утромъ часъ, отъ 8 до 9, и вечеромъ полчаса, отъ 9 до 9^{1/2}), а курсы были велики; много уходило также времени на составленіе записокъ по разнымъ предметамъ, на редакцію ихъ и сдачу въ литографію. Казенные руководства выдавались по весьма малому числу предметовъ, да и то въ ограниченіемъ количествъ,—приходилось покупать; на переписку записокъ химическими чернилами и на литографированіе ихъ тратилось тоже порѣдочно денежнѣй. Воспитанникамъ нѣбогатымъ, неимѣвшимъ возможности покупать книги или записки, приходилось выпрашивать ихъ у товарищей и готовиться по нимъ, конечно, въ такіе часы когда владѣльцы ихъ или не неуждались уже въ нихъ или спали.

За то, относительно канцелярскихъ материаловъ и классныхъ принадлежностей, училище было даже чрезчур щедро: по требованію учителей, библіотекарь, капитанъ В-у, хотя и съ воркотней, выдавалъ старшему въ классѣ ватмановскую бумагу, краски, тушь, кисти, готовальни, гибкія линейки и пр.—все превосходнаго качества. Щедрость доходила до того, что напримѣръ, слоновая бумага и тушь выдавались по требованіямъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ! Я помню, что кучка старшихъ воспитанни-

^{*)} Отбѣленная перевязь—это былъ бѣлый, толстый изъ лосины ремень, на который накладывался слой мѣла съ kleемъ; по краямъ дѣлалась выпуклая отводка и затѣмъ, по надлежащей просушкѣ и шлифовкѣ, портупея правильно облегала станъ, не трескалась и не гнулась; выходило красиво, но въ дождливую погоду мѣль растворялся и бѣлые потеки портили платье.

^{**)} У второй шеренги лопата, у первой и третьей—топоръ или мотыга съ киркой.

^{***)} По армейски; у гвардіи—вверху погона.

^{****)} Въ корпусахъ темляки давались только фельдфебелямъ.

^{*****)} Подавались два кушанья: котлеты съ какимъ нибудь соусомъ, размазня или каша съ масломъ и кисели.

ковъ захотѣла какъ то заняться «военною игрой^{*)}», для чего понадобилось намалевать планы мѣстностей и, по требованію чуть ли не законоучителя, выдано было будущимъ стратегамъ (требовалось конечно на весь классъ) нѣсколько десятковъ листовъ ватмановской бумаги!

(Продолженіе слѣдуетъ).

а потому и следовало мудрому правилу не выносить сорь изъ избы и прекращать всѣ непрѣятные инциденты въ самомъ началь и въ стѣнахъ училища. Бывшій кондукторъ, потомъ преподаватель и инспекторъ классовъ, онъ отлично зналъ всѣ училищные распорядки и установившуюся систему гнета старшихъ воспитанниковъ надъ младшими и если не поддерживалъ послѣднюю открыто, то и не принималъ мѣръ для ея искорененія. Какъ человѣкъ опытный и умный, онъ понималъ, что дежурные офицеры—плохіе для него помощники, по части прекращенія беспорядковъ, и что одно грозное «явитесь ко мнѣ!» кондуктора чиновнаго или изъ старшихъ, для провинившагося, важнѣе всякихъ окриковъ и угрозъ не только дежурнаго офицера, но и командира роты. И потому онъ терпѣлъ этотъ режимъ и ласкалъ фельдфебеля и портупей-юнкеровъ, какъ дѣйствительную власть, на которую можно было опереться.

Инспекторъ классовъ, генераль-маіоръ Вильдерлингъ, человѣкъ пожилой и прелестнѣйшая личность, котораго мы искренно любили и уважали, былъ въ загонѣ у начальника училища и игралъ очень невидную роль труженика, на котораго наваливали массу черной работы. Грѣшины были въ этомъ и учителя, пользовавшіеся мягкостію и уступчивостію Вильдерлинга. (О преподавателяхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ).

Положеніе настъ, чистокровныхъ русскихъ, въ училищѣ далеко не было преобладающимъ: чутъ не половину воспитанниковъ составляли католики и лутеране; послѣднихъ, впрочемъ, было человѣкъ десять. Начальникъ училища покровительствовалъ иновѣрцамъ (въ особенности полякамъ), на что категорически указываютъ мраморныя доски модельнаго зала: на нихъ, съ 1845 по 1861 годъ (періодъ директорствованія начальника училища), записано 26 фамилій; изъ нихъ русскихъ 5, нѣмецкихъ 3,—остальные 18 принадлежатъ католикамъ. Тутъ «Владиславы», «Альфы», «Адамы», «Станиславы», «Казиміры» и друг. краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ исключительныхъ инженерныхъ способностяхъ обитателей Западнаго края и о томъ, что способности эти признавались въ инженерномъ училищѣ гораздо охотнѣе, чѣмъ тако- выя-же русскихъ воспитанниковъ.

Таланты Казимировъ и Комп. ярко выяснились въ 1863 году, когда польское восстаніе стоило училищу восьми человѣкъ исключенныхъ изъ списковъ.

Впрочемъ племенной разнѣ между русскими и поляками почти не замѣчалось; нѣрѣдки даже были случаи, когда тѣ и другіе искренно дружили между собою. Поляки держали себя съ большимъ тактомъ и хотя польскій языкъ постоянно слышался въ камерахъ, но мы, русскіе, этимъ не оскорблялись и никто изъ начальствующихъ не препятствовалъ этому; за то нѣмецкій языкъ почти отсутствовалъ.

Учились кондукторы вообще хорошо; учились осмысленно, съ твердымъ сознаніемъ необходимости окончить полный курсъ (съ офицерскими классами, а впослѣдствіи съ академіей) инженеръ-поручиками и составить себѣ карьеру. Юношамъ, по большей части средняго достатка, конечно другаго и не оставалось, такъ какъ права окончившихъ курсъ въ инженерномъ училищѣ (и въ артиллерійскомъ тоже) были ниже окончившихъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковыхъ и въ пажескомъ корпусѣ, не смотря на то, что въ первыхъ двухъ училищахъ и научная программа была гораздо шире и свѣдѣнія приобрѣтались болѣе обширныя и умственное развитіе молодыхъ людей было выше. Воспитанники инженернаго училища выпускались инженеръ-прапорщиками, т. е. подпрапорщиками арміи, а воспитанники школы и пажи—гвардіи прапорщиками, т. е. поручиками арміи. Естественно, что кондукторамъ необходимо было идти въ офицерскіе классы, чтобы наверстать разницу въ чинѣ. Но и тамъ

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Начальникъ училища (потомъ и академіи) генераль-лейтенантъ З., былъ человѣкъ очень умный, ловкій, умѣвшій ладить съ высшимъ начальствомъ, что доказывается его долгимъ сидѣніемъ на директорскомъ мѣстѣ. Какой національности, какой религіи онъ былъ такъ и осталось для настъ неизвѣстнымъ. Ни любви, ни злобы мы къ нему не чувствовали. Держался онъ отъ настъ далеко, не любилъ исторій,

молодого инженер-прапорщика ожидали очень суровые и, скажем от себя, крайне несправедливые требования: для перехода в старший офицерский класс (и получения подпоручика) нужно было иметь в среднемъ 10 балловъ (при двадцати-балльной системѣ), изъ всѣхъ специальныхъ предметовъ не менѣе 10 и изъ остальныхъ не менѣе 8! И это для получения того же чина поручика арміи, который уже годъ назадъ, и при гораздо болѣе легкихъ условіяхъ, получилъ товѣрщъ по выпускѣ, воспитанникъ школы или пажескаго корпуса! А въ этотъ годъ кондукторъ учился, подпрапорщикъ же или пажъ наслаждались жизнью и получили годовое старшинство! Даѣ... Обошлось это благополучно: экзамены сошли удачно, инженер-прапорщикъ въ саперы не вылетѣлъ, а получилъ подпоручика и перешелъ въ старший офицерский классъ. Хорошо, если онъ, не получивъ поручика, сдастъ выпускной экзаменъ по второму разряду: его отправятъ подпоручикомъ въ строй и только годъ труда пропадетъ у молодого человѣка даромъ, но горе ему, если онъ окончить курсъ по третьему разряду: его ушлютъ тоже въ саперы, но съ обходомъ чиномъ одинъ или два раза! И такимъ образомъ подобный несчастливецъ, хотя и худо, но прошедший оба офицерские классы, могъ оказаться, въ близкомъ будущемъ, пониженнымъ въ своихъ служебныхъ правахъ даже въ сравненіи съ прапорщикомъ не перешедшимъ въ старший офицерский классъ!

Въ IV классѣ учились, но не занимались серьезно; любовь къ дѣлу, жажда познаній если и проявлялась — то только у нѣкоторыхъ, болѣе развитыхъ юношъ. Правда, что у ребятъ и времени было мало и положеніе ихъ было угнетенное. Уже при переходѣ въ III классъ начиналось фильтрованіе состава воспитанниковъ и оканчивалось съ переводными экзаменами во второй. Въ эти два года число «убоявшихся премудрости» достигало нѣсколько болѣе десятка: уходили въ юнкера, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ лѣсной институтъ. Изъ второго класса не исключали, развѣ случался какой-нибудь особенный казусъ, но это бывало рѣдко. Лѣтняя или малоспособнаго, развѣ уже онъ доползъ до второго класса, тащили за волосы, но не губили, зная что изъ младшаго офицерскаго класса такой субъектъ навѣрно самъ «испарится». Выпускали и для определенія къ статскимъ дѣламъ, но это уже было исключеніемъ: въ мое время случилось это только однажды.

Способности и таланты обнаруживались въ III классѣ, когда воспитанники попривыкли уже къ училищной жизни и дышали свободнѣе. Намѣчались специалисты... по математикѣ, фортификаціи и другимъ предметамъ. Все свободное время отдавалось этими личностями чтенію разныхъ сочиненій и руководствъ, на иностраннѣхъ языкахъ, которыми такъ богата училищная библиотека, причемъ худо знакомые съ ними читали со словаремъ въ рукахъ. Были и такие, которые изучали, безъ руководителя, англійскій и итальянскій языки и на столько успѣшио, что переводили съ нихъ, конечно, съ помощью лексиконовъ. Пріобрѣтеными вѣдь класса познаніями щеголяли. Но и помимо специалистовъ, не рѣдкость было увидать, въ перемѣнѣ между лекціями или въ пустой урокъ, передѣлъ черными досками, кучки воспитанниковъ решавшихъ какую нибудь, но большей части математическую, задачу, придуманную кѣмъ-либо изъ кондукторовъ, или математические софизмы въ родѣ «часть больше цѣлаго», «хорда равна діаметру», «три больше четырехъ» и т. п. Многіе изъ старшихъ воспитанниковъ приходили въ классы объяснять младшимъ, смущавшіе ихъ «камни преткновенія».

Музыка и поэзія имѣли тоже своихъ adeptовъ, были хорошие піанисты, порядочные скрипачи и виолончелисты. Поэты и беллетристы писали, на экза-

менахъ, на заданныя темы сочиненія въ стихахъ и прозѣ; нѣкоторые печатались даже въ журналахъ. Надѣя поклонниками музъ не смыкались и вообще къ изящнымъ искусствамъ относились съ уваженіемъ.

Черченіе (военно-инженерное, строительное, архитектурное, артиллерійское, ситуационное) было сильно развито въ училищѣ и требование относительно успѣховъ, въ первыхъ трехъ родахъ черченія, предъявлялись къ кондукторамъ очень большія. Въ старшихъ классахъ черченіе связывалось уже съ составлениемъ проектовъ: разнаго рода военныхъ мостовъ, небольшихъ деревянныхъ и каменныхъ зданій, блокгаузовъ, батарей и полевыхъ укрѣплений, на извѣстное число людей и орудій. Всѣ чертежи, за исключеніемъ архитектурныхъ, отдѣльывались спачала тушью, а потомъ покрывались красками, архитектурные же воспроизводились акварелью. Конечно не всѣ воспитанники обладали способностями хорошаго рисовальщика или акварелиста, а между тѣмъ, кромѣ толковаго составленія чертежа или проекта вчера, требовалась отдѣлка его красками и вотъ, на помощь плохимъ иллюминаторамъ, призывались специалисты этого дѣла — крѣпостные кондукторы (чертежники) или, по училищному, «крѣпаки», которые за извѣстную плату окончательно отдѣльывали чертежъ или рисунокъ. Заказы эти дѣлались весьма таинственно, въ извѣстные часы и въ глухихъ закоулкахъ камеръ, не изъ боязни старшихъ кондукторовъ, которые сами это продѣливали, а опасаясь дежурныхъ офицеровъ, которые могли накрыть «крѣпака» и сильно ему повредить. Что же касается преподавателей, то они почти всегда узнавали заказную иллюминовку и по «крѣпакой» манерѣ отдѣлки и по тому, кто представлялъ работу и смотрѣли на это сквозь пальцы въ тѣхъ только случаихъ, когда чернякъ и вычерчиваніе тушью сдѣланы были воспитанниками лично. По начертательной геометріи задачи решались также путемъ специальныхъ чертежей, называвшихся «энюрами». Въ двухъ низшихъ классахъ къ черченію присоединялось еще рисование карандашемъ или тушью, съ натуры геометрическихъ тѣлъ, гипсовыхъ архитектурныхъ украшеній, ордеровъ и моделей крѣпостныхъ верковъ. Черченіе мѣломъ на доскѣ полевыхъ и долговременныхъ укрѣплений, мостовъ, артиллерійскихъ орудій, зданій и частей ихъ изучалось болѣе самоучкой и многими было доведено до положительного совершенства: параллельная линія брустверовъ, напримѣръ, проводились такъ, что не говоря уже о прямизнѣ линій, разстояніе между ними было почти одинаково на всемъ протяженіи ихъ. Для достижения красоты чертежа употреблялись извѣстные пріемы: тонко очищенный мѣлъ, проведеніе линій не иначе какъ по сырой доскѣ, утолщеніе главныхъ и утоненіе второстепенныхъ линій. Чертежныя доски, въ столярномъ отношеніи были безукоризненны; хороши были также и губки для стирания и мѣлки, тщательно очищенные и завернутые въ писчую бумагу.

Въ IV и III классахъ проходилась вся полевая фортификація; курсъ былъ большой; хорошая нужна была память, чтобы заучить массу всевозможныхъ размѣровъ; преподавалъ предметъ поручикъ л.-гв. саперного батальона О. Б. Г—. Читалъ онъ недурно, но вяло; чертилъ на доскѣ превосходно и, какъ человѣкъ аккуратный, требовалъ, чтобы «чертежики», т. е. снимки въ тетрадки, дѣлаемыхъ имъ на доскѣ чертежей были всегда опрятны и, по возможности, согласны съ масштабомъ. Чертежики для прочности, заносились въ книжку жесткимъ карандашемъ, а нѣкоторыми обливались молокомъ съ водой. Геометрію и тригонометрію преподавалъ инженер-полковникъ Лука Лукичъ Германъ, небольшаго роста пожилой толстякъ, въ высшей степени невозмутимый, добродушный русскій нѣменецъ. Онъ очень своеобразно читалъ свой предметъ; передъ началомъ курса, на его

столъ клалась кѣмъ-либо изъ воспитанниковъ (сначала кто ранѣе успѣвалъ, а затѣмъ по очереди) чистая брошюрованная тетрадь и ставился письменный приборъ. Лука Лукичъ читалъ лекцію и одновременно записывалъ ее въ эту тетрадь; потомъ это переписывалось химическими чернилами, сдавалось въ литографію и такимъ образомъ получались записки. До какой степени всѣ кондукторы любили Германа, видно изъ того, что сынъ его, такой же, рабецъ какъ и мы, въ память отца, ни разу не подвергался преслѣдованіямъ со стороны старшихъ. Военную Географію, въ III классѣ, читалъ инженеръ-подполковникъ Кадьянъ, человѣкъ весьма сосредоточенный и неразговорчивый, но на лекціяхъ мы заслушивались его—такъ картиною и увлекательно передавалъ онъ намъ свои знанія и наблюденія. Какъ теперь помню его блестящій разсказъ о проводѣ барокъ черезъ Мстинскіе пороги... Кадьянъ былъ настолько образенъ, реаленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтиченъ, что невольно каждому изъ насъ рисовалась и быстрая Мста, съ окружающимъ ее пейзажемъ, и масса народа на берегахъ, лихорадочно сѣдѣвшая за мчащимися, извивающимися между грудами камней, длинными барками съ находящимися на нихъ мужиками, бабами и подростками, отчертывающими врывающуюся въ расходящіеся швы, воду и слышался рокотъ бьющихся о скалы волнъ, трескъ повреждаемыхъ барокъ и гомонъ людской толпы, то удрученный, то торжествующій, и надъ всѣмъ этимъ шумомъ—громкій, властный и нервный крикъ лоцмановъ и затѣмъ громовое, побѣдное «ура»!

Во II и I классахъ фортификацію (долговременную), военные сообщенія и минное искусство преподавалъ инженеръ-полковникъ X., человѣкъ пристрастный и злопамятный. Читалъ онъ монотонно, не внося въ свои лекціи почти ничего своего и изъ года въ годъ повторялъ одно и то же. Любители новаго или добавочнаго могли знакомиться съ нимъ въ класса. Какъ членъ конференціи X. имѣлъ значеніе и, къ сожалѣнію, употреблялъ его не на пользу, а во вредъ не только воспитанниковъ, но и своихъ коллегъ. Мы его не любили, не жаловали его и учителя. Какъ профессоръ, онъ былъ «ровненскій» и стоялъ ниже и полковника Квиста и генераль-майора Ласковскаго, въ мое время уже оставившихъ преподаваше. Терпѣть не могъ X. такъ-называемые «отбои», т. е. отказы отъ отвѣтствъ въ тѣ дни, когда преподаватели спрашивали, онъ блѣднѣлъ отъ злости и, ломая мѣлки и вервно поправляя свою саблю, чертилъ на доскѣ слѣдующую лекцію. «Отбои» случались не часто и всегда вызывались не лѣнью воспитанниковъ, а какими-нибудь случайными обстоятельствами: нечаяннымъ скопленіемъ подготовокъ вдругъ къ нѣсколькимъ лекціямъ, фронтовыми занятіями и т. п. Другіе учителя относились къ этой манкировкѣ всегда снисходительно. Постановленія обѣ «отбои» совершились такъ: по обсужденіи вопроса о невозможности, за недостаткомъ времени, приготовить урокъ, рѣшали сдѣлать «отбой» и поручали старшему дождѣть обѣ этомъ рѣшеніи преподавателю, съ объясненіемъ мотивовъ, и почти всѣ, кроме X., молча принимали подобное заявленіе, входили въ положеніе воспитанниковъ и начинали читать лекцію; X-же частенько, выслушавъ докладъ старшаго, начиналъ вызывать къ доскѣ воспитанниковъ по алфавиту; понятно всѣ, даже и подготовленные, отзывались незнаніемъ. X. вынималъ свою памятную книжку, ставилъ имъ нули и, на экзаменахъ, принималъ эти нули въ соображеніе. До какой степени былъ мстителенъ этотъ преподаватель показываетъ слѣдующій фактъ: одинъ изъ моихъ товарищъ, первый въ классѣ по фортификаціи и страстный любитель этого предмета, перевѣлъ какое-то сочиненіе по инженерному искусству, бывшее тогда въ ходу,

представилъ рукопись перевода начальнику училища и, по одобрѣніи ея генераломъ Ласковскимъ, начальнику на свой счетъ и книгу посвятилъ Гакову Ивановичу Ростовцеву *), который принялъ ее весьма любезно. X. такъ обидѣлся тѣмъ, что переводя книгу, мой товарищъ не совсѣмъ съ нимъ и не просилъ его содѣствія, что черезъ три года, уже при выпускѣ изъ академіи (при переводе въ старшій классъ не удалось), отомстилъ ему, поставивъ на экзаменѣ фортификаціонныхъ проектовъ (проекты обороны разныхъ крѣпостей при обозначенныхъ условіяхъ). Вотъ гдѣ можно было разгуляться профессорской фантазіи! вмѣсто предѣльныхъ 10—8 балловъ и такимъ образомъ лишилъ его и чина поручика и званія инженера, а у бѣдняги-переводчика было $10\frac{1}{2}$ среднихъ! И такъ силенъ былъ X., что не только остальные экзаменаторы, но и самъ начальникъ училища не могли отстоять гонимаго!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Отъ сего сильнаго господина перейду къ Ивану Алексѣевичу Вышнеградскому *), читавшему въ I классѣ дифференціальное исчисление. Преподавалъ онъ у насъ еще холостымъ и только къ концу курса женился. Мы очень его любили и уважали, хотя частенько и смѣшилъ онъ насъ своею горячностью: при малѣйшей ошибкѣ отвѣчавшаго онъ сначала нервно поправлялъ свои очки, а затѣмъ вскачивалъ съ мѣста, порывисто, съ возгласомъ, бросался къ доскѣ, схватывалъ мѣлъ и, тыкая имъ въ доску, поправлялъ написанное. Иванъ Алексѣевичъ, несмотря на вспыльчивость, быть очень мягкий и справедливый человѣкъ; читалъ онъ талантливо, доступно, не лѣнился разъяснять воспитанникамъ все для нихъ малопонятное и

*) Впослѣдствіи министръ финансовъ.

относился к юношамъ просто и любовно. Вспоминается мнѣ, какъ на полугодовомъ экзаменѣ товарищъ мой И., вообще хорошо занимавшійся, вынулъ изъ пачки послѣдній билетъ (И. былъ вызванъ въ первой очереди, когда билеты не были еще разбросаны по столу—самъ же раскидать побоялся), который успѣлъ приготовить только поверхности, и не зналъ что дѣлать... «Срѣзался!»—мелькнуло у него въ головѣ; стоитъ передъ доской въ яедумѣніи. Подходитъ Вышнеградскій. И. объясняетъ ему свое горе. Иванъ Алексѣевичъ береть у И. билетъ, кладеть его въ общую кучку и подаетъ ему другой. «Тотъ ужъ слишкомъ простъ для него,»—объясняетъ И. А. экзаменаторамъ.—«Поблажка!»—скажутъ можетъ быть суровые профессора. Нѣть, не поблажка, а справедливое снисхожденіе: И. А. узналъ, что И. занимался толково, не долбилъ, что плохое знаніе одного или даже нѣсколькихъ билетовъ, не можетъ вліять на общее знаніе всего предмета, что оцѣнка должна производиться не на основаніи одного билета, а всего курса, а главное должно приниматься во вниманіе умственное и математическое развитіе юноши — и конечно у такого умнаго и хорошаго человѣка, какъ И. А., не только не могла подняться рука поставить И. непредѣльный балль, но не могъ онъ допустить, чтобы и экзаменаторы «срѣзали» его, чутъ не наканунѣ выпуска въ офицеры.

Исторію русской литературы читалъ Василій Тимофеевичъ Плаксинъ, — личность поченная и очень оригинальная. Небольшаго роста, плотный старики, съ угловатыми манерами, весьма сдержанній въ сношепіяхъ съ людьми вообще,—онъ бывалъ рѣзокъ съ начальствомъ и частенько грубовать въ разговорѣ; но мы любили его за безпристрастіе къ намъ и за то, что такимъ людямъ, какъ Х., онъ почти всегда былъ горячимъ оппонентомъ. Помнится мнѣ, во время его лекцій, портупей-юнкеръ Р., не обращая вниманія на Василія Тимофеевича, читалъ какую то книгу. Плаксинъ, замѣтивъ это, пріостановился, крякнулъ нѣсколько разъ (у него была привычка, во время перерывовъ рѣчи, вставлять «кхе—кхе») и замѣтилъ читавшему его неприличіе; послѣдній отвѣтилъ на это дерзостью. В. Т. крякнулъ еще разъ-другой и продолжалъ лекцію.

Па слѣдующій разъ вызываетъ онъ провинившагося: тотъ отвѣтилъ прекрасно; Плаксинъ ставить ему въ книгу отмѣтокъ 12, несмотря на то, что воспитанникъ имѣлъ у него годовыхъ только 10. Это такъ поразило юношу, что онъ, въ концѣ урока, при всемъ классѣ горячо извинился передъ Василіемъ Тимофеевичемъ*). «Кхе-Кхе... а вы думали, что очень оскорбили меня вашимъ отвѣтомъ?.. Что я припомню это вамъ?.. Напррасно!.. Теперь вы вотъ поступили хорошо и конечно о бывшемъ... кхе-кхе... нѣть и помину!»—И дѣйствительно помину не было: Р. получилъ на экзаменѣ 11. Читаль В. Т. дѣльно, не особенно гладко и вообще довольно безпристрастно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ горячился и входилъ въ паѳосъ: напримѣръ, были мѣста въ «Маскарадѣ» Лермонтова, которыя раздражали его; онъ критиковалъ ихъ съ вибраціей въ голосѣ и заключалъ свои тирады возгласомъ: «если это поэзія, то да погибнетъ такая поэзія!» Василій Тимофеевичъ былъ поклонникомъ чистой, возвышенной поэзіи (Пушкинъ былъ его любимымъ писателемъ) и реализмъ даже «Мертвыхъ душъ» былъ ему не по душѣ; за то отъ нѣкоторыхъ повѣстей Гоголя, онъ приходилъ въ восторгъ. Плаксинъ была напечатана «Исторія русской литературы», принятая какъ руководство во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но мы мало пользовались ею, а записывали лекціи В. Т. и затѣмъ ихъ литографировали.

* Съ удовольствіемъ отмѣчаю, что классъ вполнѣ одобрилъ поступокъ Р.

Языки французскій и нѣмецкій были обязательны; обученіе имъ производилось по особой системѣ. Въ виду того, что не у всѣхъ державшихъ вступительный экзаменѣ познанія были одинаковы, не всѣ поступившіе попадали въ одинъ классъ, а распредѣлялись по разнымъ, смотря по подготовкѣ. Такъ, напримѣръ, я сразу попалъ во II классъ по французскому и въ III по нѣмецкому языку. Это дѣлалось въ виду того, чтобы хорошо подготовленный воспитанникъ, прошедший уже синтаксисъ и хорошо говорившій и читавшій, двигался впередъ, а не сидѣлъ годъ два на давно известной ему этимологіи и на легкихъ переводахъ и диктовкѣ. Французовъ у насъ было три: гг. Деменівъ III и IV, Левріе во II и Буже въ I классѣ; Нѣмцевъ—два: гг. Миллеръ въ IV и III и Фрей во II. Всѣ они, за исключеніемъ Буже (Alfred Bougeot), весьма мало отличались отъ преподавателей гимназіи; за то когда Буже читалъ исторію французской литературы—классъ безмолвствовалъ, слушалъ напряженно и многие воспитанники второго класса секретно приходили слушать бойкую, блестящую лекцію краснорѣчиваго и уважаемаго французца. Любимымъ его писателемъ былъ Мольеръ.

Въ мое время существовали еще полугодовые экзамены; очень тяжело отзывались они на насъ. Во первыхъ отнимали цѣлый мѣсяцъ отъ учебнаго полугодія, вслѣдствіе чего преподаваніе должно было неминуемо идти ускореннымъ темпомъ и въ ущербъ успѣшности, и во вторыхъ требовали усиленныхъ, сиѣшныхъ занятій, сильно дѣйствовавшихъ на нервы. Одно уже болѣе раннѣе вставаніе, въ темныя, декабрьскія утра, вмѣстѣ съ лихорадочнымъ ожиданіемъ грядущаго экзамена, вызывало какое то томленіе и угнетенность духа. А тутъ еще тусклое освѣщеніе малянныхъ лампъ, слишкомъ прохладная температура большихъ, высокихъ комнатъ, видъ заспанныхъ, недовольныхъ начальственныхъ лицъ, какая то напряженность во всемъ окружающемъ еще болѣе болѣзнико дѣйствовали на юношей.

Какую же пользу приносили эти экзамены?
Никакой.

Полугодовыя репетиціи были бы несравненно полезнѣй; но для насъ и онѣ не были нужны, такъ какъ каждый воспитанникъ спрашивался въ полугодіе, иногда и дважды, а графическая его работы были постоянно подъ глазами преподавателей и пхъ репетиторовъ. Уничтоженіемъ же полугодовыя экзаменоы сберегся бы цѣлый мѣсяцъ времени для занятій, которыхъ конечно утратили бы тогда свою спѣшность и воспитанники не вынуждены были бы являться на экзаменъ изъ предмета, послѣдніе билеты, котораго были прочитаны преподавателемъ чуть не наканунѣ.

А между тѣмъ результаты полугодовыя экзаменоы были очень важны, въ особенности въ глазахъ новыхъ учителей, мало ознакомившихся съ воспитанниками въ какіе нибудь три мѣсяца. Эти результаты являлись фундаментомъ для будущихъ отмѣтокъ на годовомъ экзаменѣ: отличившійся на полугодовомъ могъ расчитывать на снисхожденіе на годовомъ экзаменѣ и на оборотъ трепетать на семь послѣдніемъ при худомъ исходѣ полугодоваго. Конечно соображенія эти не имѣли мѣста у профессоровъ разумныхъ и справедливыхъ, но много ли было такихъ!

И вотъ выработывались разныя средства подчинить себѣ капризную фортуна на экзаменахъ, но всѣ они браковались и только одно осталось намъ въ наслѣдѣ: «теорія вѣроятнія»—название, къ настоящему средству, вовсе не подходившее. Суть заключалась въ слѣдующемъ: съ писаремъ училищной канцеляріи входили въ сдѣлку и, наканунѣ экзамена, получали отъ него, часа на два, написанные на тонкой бумагѣ билеты. Пройдя черезъ руки заправиль, билеты получали извѣстныя примѣты, отмѣчавшіяся на особомъ

листъ: подчеркнутыя кой-гдѣ строки или отдельныя слова, сильно обозначенные вопросительные и др. знаки, заглавныя буквы видимые на изнанкѣ билета, клейма бумаги, пятна и проч. Когда экзаменаторы усаживались—инспекторъ раскидывалъ билеты по столу, а если это не дѣлалось, по забывчивости напримѣръ,—то первая очередь, вызванныхъ къ доскѣ воспитанниковъ, обязана была это сдѣлать, какъ-бы выбирая себѣ билетъ «на счастье». Моментально кто-либо изъ агентовъ «теоріи вѣроятія», съ задней скамьи, вооруженный небольшою зрительною трубкой, жадно вниналъ взглѣдомъ въ разбросанные билеты и сообщалъ нумера лежавшихъ сверху и мѣста, гдѣ они лежать. Неувѣренны въ себѣ воспитанники намѣчали, по согласию съ товарищами, нумера и возстановляли содержаніе билетовъ въ памяти; затѣмъ, когда ихъ вызывали, они уже прямо хватались за облюбованный ими билетъ. Конечно средство это помогало только отчасти: можно было пробѣжать билетъ, кой-что забытое или плохо выученное возстановить въ памяти, но выучить вновь было немыслимо; вотъ почему начальство, хотя и знало о существованіи «теоріи вѣроятія», не придавало ей значенія и виновныхъ въ сдѣлкѣ писарей не преслѣдовало.

Полугодовыя экзамены заканчивались 22-23 декабря «смотромъ чертежей» и затѣмъ воспитанники увольнялись въ отпускъ до вчера 6 января. Обязанные дежурствомъ портупей-юнкера, взводы кондукторовъ и ординарцы, назначенные для присутствованія на разводахъ, обязаны были являться въ назначенные дни и часы, причемъ парадировавшія части должны были собираться въ училище спѣ и для репетицій.

Въ Крещенскомъ парадѣ, если морозъ былъ менѣе десяти градусовъ, кондукторы участвовали въ мундирахъ и безъ наушниковъ, а если болѣе—то въ пинельяхъ въ рукава и наушникахъ. Сапоги конечно были комнатные, безъ галоши, но для тепла ноги обвертывались, поверхъ носковъ, листомъ пропускной бумаги. Фуфайки не допускались, позволялось, въ исключительныхъ случаяхъ, надѣвать двѣ денежныя сорочки.

Поглядывая на теперешнюю военную молодежь, воспитывающуюся въ теперешнихъ корпусахъ и училищахъ, передѣланныхъ изъ военныхъ гимназій, невольно вспоминаешь, что переносили мы, почти полвѣка назадъ, и какой спартанскій режимъ царствовалъ тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. И однако, не смотря на это, ни смертность *) не была больше, ни переутомленія мы не знали, а ужъ о выносливости тогданиаго кадета или юнкера и говорить нечего!.. Возьмемъ хотя-бы церемонію перенесенія тѣла въ Бозѣ почивающаго Императора Николая Павловича, изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую крѣпость. Путь былъ очень далекій: черезъ Николаевскій (тогда Благоѣщенскій) мостъ, по первой линіи Васильевскаго острова, на Тучковъ мостъ и далѣе, черезъ Иоанновскія ворота, въ крѣпость. День былъ ясный, морозный, болѣе десяти градусовъ. Въ виду того, что почившій Государь былъ основателемъ инженернаго училища и школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ—эти два заведенія были удостоены чести сопровождать Августѣйшія останки въ крѣпость; остальные заведенія стояли шпалерами на назначенныхъ мѣстахъ и, по мѣрѣ прохожденія мимо нихъ печальной процессіи, возвращались домой. Насъ привели, въ нижніе коридоры Зимняго дворца, около восьми часовъ утра. Въ девять часовъ, въ однихъ мундирахъ, но въ наушникахъ, съ ружьями, мы были уже поставлены на мѣста: инженеры съ правой стороны процессіи, никола—съ лѣвой, гуськомъ, начиная

отъ колесницы, шаговъ на пять человѣкъ отъ человѣка. Когда печальная колесница двинулась изъ дворцовыхъ воротъ—голова процессіи была уже на сенатской площади. Мы держали ружья «на погребеніе», въ лѣвой руцѣ, дулами внизъ, прикладами къ верху; тщательно отѣленныя, негнувшіяся рука-вички приводили насъ въ отчаяніе. Отъ получасовой стоянки на снѣгу, пока устанавливали процессію, ноги наши застыли, пробѣгавшая сначала по тѣлу дрожь вдругъ какъ-то замерла и мы, какъ автоматы, нервно скжавъ челюсти, двинулись по командѣ впередъ. Шли тихо; у встрѣчавшихся на пути церквей, на панерти которыхъ стояло духовенство съ иконами и хоругвями, служились литіи. Церемонія была торжественная, великолѣпная, но долгая; только къ вечеру вернулись мы въ инженерный замокъ, совершенно прородили, и жадно набросились на приготовленный чай (ради такого случая сбитень быть замѣненъ чаемъ). И что-же? У насъ больныхъ не было, а въ школѣ заболѣлъ кто-то легкой горячкой, но скоро выздоровѣлъ.

Но я отклонился въ сторону.

На четвертой недѣлѣ великаго поста рота говѣла. Нѣвѣ еще съ первой недѣли начинали готовиться къ службамъ. Чтеніе часовъ, паремій, апостола было также возложено на воспитанниковъ. Въ пятницу, часовъ около четырехъ по полудни, приходилъ въ камеры о. законоучитель и вѣль бесѣду со своими духовными чадами; являлись также ксендзъ и пасторъ. Затѣмъ православные ходили въ церковь на исповѣдь. Въ субботу кондукторы причащались Св. Тайнѣ; на богослуженіи присутствовало все начальство, съ начальникомъ училища во главѣ. Потомъ слѣдовалъ ранній, училищный обѣдъ и, по окончаніи его, воспитанники увольнялись въ отпускъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе).

Въ концѣ поста производилась усиленная подготовка разводныхъ очередей и ординарцевъ. Послѣднихъ, при Императорѣ Николаѣ и въ первые годы

*) За шесть лѣтъ пребыванія моего въ училищѣ умерло всего два.

царствованія Александра Николаевича, сильно мущтровали. Хотя ординару приходилось дѣлать одинъ только шагъ передъ взятіемъ «на кра-улъ» и тричетыре шага послѣ рапортованія — тѣмъ не менѣе операція подхожденія была не легка, въ особенности при прежнемъ держаніи ружья «подъ прикладъ»: полная отвѣсность ружья, молодцоватость во всей фигурѣ, мягкость и правильность шага, щеголеватость и вмѣстѣ съ тѣмъ лихость пріемовъ, въ мѣру громкій и ясный рапортъ требовали большой подготовки и присутствія духа.

Разводы на дворцовой площадкѣ считались труднѣе чѣмъ въ манежѣ инженерного замка (Михайловскій), такъ какъ на первой взводы и ординарцы были болѣе на виду; для ординарцевъ-же всего тяжелѣе было на Пасхѣ: по окончаніи рапорта, Государь командовалъ: «на плечо», «къ ногѣ», христосовалъ съ подходившимъ, затѣмъ приказывалъ снова братъ «на плечо» и отпускаль. Тутъ требовалась еще большая чистота въ отдѣлѣ, такъ какъ пріемовъ было больше.

Фельдфебель, въ пасхальную заутреню, являлся въ Зимній дворецъ только для христосованія съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Генераль-инспекторомъ по инженерной части); съ Государемъ-же — въ одинъ изъ дней Святой недѣли, выѣхѣть съ фельдфебелями другихъ военно-учебныхъ заведеній.

Страстная и Святая недѣли не были для наасъ полнымъ отдыходомъ: мы рады были этимъ свободнымъ днямъ, чтобы наверстать кой-какія упущенія въ урокахъ, чертежахъ, задачахъ. При поздней Пасхѣ экзамены начинались уже среди Фоминой недѣли, а при раннѣй — послѣ праздниковъ продолжались еще лекціи и кончались незадолго до первого экзамена, такъ что времени для приготовленій оставалось мало. А тутъ еще репетиціи сначала майскаго парада, а потомъ Царскаго смотра, на которомъ выпускные производились въ офицеры, бывавшаго (съ 1854 года) въ первыхъ числахъ іюня. Репетиціи майскаго парада были легче и менѣе утомительны: готовили только церемоніальный маршъ и ученія дѣлались на Царицыномъ лугу, около самаго инженерного замка; но приготовленія къ смотру были очень и очень тяжелы, такъ какъ требовались отчетливое исполненіе ружейныхъ пріемовъ, всевозможная прохожденія: тихимъ (по нашему «гусинымъ»), скорымъ, вольнымъ, бѣглымъ шагомъ, а иногда и «учебнымъ» въ три, два и одинъ пріемы, и нѣкоторыя маневрированія. На репетиціи гоняли сперва на Семеновскій плацъ, на баталіонное*) ученіе, а для полковыхъ и бригадныхъ**) — въ 1-й кадетскій корпусъ; разстоянія, и то и другое, отъ инженерного замка не близкія. Приходили мы съ этихъ репетицій измученные, запыленные, голодные, а на завтра экзаменъ и, вмѣсто сна, изволь-ка часика три—четыре посидѣть надъ книжкой! Тяжеленько бывало!

Перерывы между экзаменами если и случались, то очень небольшіе: день, рѣдко два, конечно я говорю о старшихъ классахъ, у которыхъ экзаменовъ было болѣе.

Годовые экзамены ничѣмъ не отличались по существу отъ полугодовыхъ; въ обстановкѣ только была нѣкоторая разница: назначались ассистенты для увеличенія числа экзаменаторовъ и изрѣдка удостоивали училище своими посѣщеніями высокія особы. Однажды попробовали произвести, изъ нѣкоторыхъ специальныхъ предметовъ, публичные экзамены въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса; цѣль

ихъ заключалась въ достижениѣ сравнительной оценки знанийъ воспитанниковъ инженерного и артиллерійскаго училищъ и специальныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. Сначала мы очень трусили въ виду торжественной обстановки экзаменовъ большаго числа присутствовавшихъ генераловъ и профессоровъ, но потомъ успокоились, такъ какъ почти всѣ они оказались людьми милѣйшими и добродушными, вступавшими, изъ-за нашихъ отвѣтовъ, даже въ пререканія съ нашими преподавателями, и конечно въ нашу пользу, а когда на слѣдующій годъ публичные экзамены были отмѣнены — мы очень сожалѣли, что затѣя эта слишкомъ рано потерпѣла fiasco.

Царскій смотръ обыкновенно бывалъ на Царицыномъ лугу; насъ приводили туда часовъ въ девять и устанавливали въ линіи развернутымъ фронтомъ *), правымъ флангомъ къ мостику между Инженернымъ замкомъ и садомъ Михайловскаго дворца. Въ 11 часовъ, по Большой Садовой, прибывалъ Государь, у мостика садился на коня и начиналъ обѣздъ. По окончаніи его, пѣхота перестраивалась покоемъ, развернутымъ фронтомъ, тыломъ къ павловскимъ казармамъ, и начинались ружейные пріемы. Самые трудные были заражаніе на двѣнадцать темповъ и отмыканіе штыка. Требовалось, чтобы каждый темпъ, каждое движеніе руки производились одновременно всею бригадою и надо отдать справедливость кадетамъ — они были такъ вымуштрованы, что очень рѣдко случались запаздыванія или ошибки. Въ то время въ модѣ было каждый пріемъ обозначать звяканьемъ ружья, для чего нарочно ослабляли ружейные винты и гайки, — и вотъ, когда училась бригада, это звяканье сотенъ ружей всегда сливалось въ одинъ общий звукъ. По окончаніи пѣхотныхъ пріемовъ, Государь смотрѣлъ пріемы при орудіяхъ юнкеровъ артиллерійскаго училища и бѣду эскадрона школы. Потомъ производилась ломка фронта, различная постройевія и въ заключеніе бригадное ученіе съ пушечной пальбой; юнкера и кадеты не стрѣляли, а довольствовались примѣрной прикладкой. Смотръ кончался общимъ церемоніальнымъ маршемъ, съ двумя и тремя прохожденіями. Когда дать быль отбой и кадеты заняли назначенный имъ мѣста, выпускные вызывались передъ фронтомъ и, по командѣ Государя «выпускные ко мнѣ!», окружали Его. Большая двухручная корзина, съ только-что отпечатанными приказами стояла тутъ же. Поздравивъ выпускныхъ офицерами, и Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ, въ высшей степени тепло, напутствовали юношей въ открывавшуюся передъ ними жизнь, давали наставленія и приглашали, во всѣ тяжкія минуты, смило и непосредственно обращаться къ Нимъ. Великъ былъ этотъ моментъ!.. Съ одной стороны Самодержавный Повелитель многомилліонаго народа, какъ любвеобильный Отецъ, благословляясь на службу отечеству Своихъ дѣтей, съ другой — счастливые юноши, изъ глубины молодого, пылкаго сердца, кричать неудержимое «ура», въ которомъ звучить и искренняя благодарность Благодѣтелю-Царю и беззатѣтная Ему преданность и жажда подвиговъ; — то самое «ура», которое дѣлало, дѣластъ и, твердо вѣримъ, будетъ дѣлать русскую армію первую въ мірѣ!

Это громовое русское «ура» — символъ неразрывной связи Бѣлого Царя съ Его народомъ, а слѣдовательно и съ Его арміею, и пока связь эта, освященная церковью, существуетъ, пока сердца Помазанника Божія и Его народа будутъ биться вмѣстѣ — великой матушки Руси не будуть страшны никакія полчища, никакія коалиціи!

Уѣхалъ Царь съ плаца — и дисциплина для свѣжеиспеченныхъ офицеровъ (я говорю о нашихъ, которыемъ рукой было подать до училища) моментально исчезла: съ ружьемъ «на перевѣсъ», чутъ не бѣгомъ,

*) Мы составляли вмѣстѣ со школой и пажами 1-й баталіонъ первого полка, 1-я рота — школа, 2-я — мы, 3-я пажи. Командовалъ баталіономъ сначала Д. А. Скалонъ (нашъ командиръ роты), потомъ полковникъ День (командиръ роты гвардейскихъ подпрапорщиковыхъ).

**) Всѣмъ отрядомъ военно-учебныхъ заведеній командовалъ сначала генераль Гresser, директоръ одного изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ, а потомъ его смѣнилъ генераль Желтухинъ, директоръ пажескаго корпуса.

*) При Императорѣ Николаѣ I и въ первые годы царствованія Александра II, въ три шеренги.

помчались они ближайшимъ путемъ, черезъ большое крыльцо, въ камеры. Тамъ, на кроватяхъ, уже лежало офицерское платье и стояли около портные и служители. Радость, оживленіе чувствовалось кругомъ. Сочувствовали восторгу выпущенныхъ вахтера, чутъ не всѣ училищные сторожа, писаря... Все это сбѣжалось поздравить, поглядѣть на молодое счастье... И улыбались они радостно-привѣтливо не отъ ожиданія получить «на чай», а просто заражались разлитымъ новсюду живымъ настроениемъ; вѣяніями мира и любви и самимъ имъ невольно сходилъ миръ въ душу и на сердцѣ становилось тепло и радостно.

Вернулась и рота, а съ нею рябцы и третьеклассники, которыхъ теперешніе счастливцы-офицеры когда то обижали и которымъ обиженные клялись отомстить. Примирающее настроеніе и ихъ охватило... Забыты старые счеты... Выразительнымъ молчаніемъ какъ бы извиняется старшій, молча прощаетъ ему бывшій подначальный... И съ облегченіемъ сердцемъ стремится изъ кондукторскихъ камеръ на волю молодой офицеръ,—безъ злобы смотрѣть ему вслѣдъ вчерашній рябецъ...

Послѣ смотра всѣ кондукторы, передъ выступленіемъ въ лагерь, увольнялись на нѣсколько дней въ отпускъ; закупались нѣкоторыя вещи, даже небогатыми. Капитальною покупкой были погребцы, бывшіе въ то время въ большомъ употреблении у офицеровъ, помѣщиковъ и вообще у лицъ, которымъ предстояли разѣѣзы. Погребцы эти, подешевѣле, представляли изъ себя высокую шкатулку, обтянутую моржовою или нерпяною кожей, съ оковкой по угламъ и на крестъ, съ внутреннимъ двойнымъ помѣщеніемъ, вмѣщавшимъ въ себѣ почти все самое необходимое для хозяйства человѣка одинокаго: столовый и чайный приборъ, графины для вина и водки, чайницу и сахарницу и пр. Погребцы подороже дѣлались на двѣ и на три персоны, со складнымъ сомоваромъ, кофейникомъ, судкомъ, причемъ, конечно, вещи были лучшаго качества. Болѣе всѣхъ распространены были первые, вторые же покупались только тѣми воспитанниками, у которыхъ были, такъ-называемыя «свои» палатки. Выраженіе «свои палатки» вовсе не значило, что у такоого-то кондуктора есть своя палатка, да это было бы и немыслимо, такъ какъ количество шатровъ, палатокъ и другихъ помѣщеній было строго ограничено и заранѣе опредѣлено и планъ лагеря былъ подробно разбитъ въ натурѣ. «Свои» палатки означало, что вахтера, горнисты, барабанщики и другіе нижніе чины, которымъ полагались палатки, сдавали ихъ воспитанникамъ въ наймы за извѣстную плату. Нанимали ихъ въ складчину два-три человѣка, за 25—30 рублей каждую, и за это пользовались правомъ сидѣть въ этой палаткѣ цѣлый день и даже послѣ вечерней зари, питаться своимъ кушаньемъ, пить чай, кофе, лимонадъ, есть фрукты и ягоды когда вздумается и принимать гостей. Спиртные напитки были въ небольшомъ употреблении и у немногихъ, да и то когда чествовались чы-либо имянини или рожденія; тогда на вечеринкахъ подавали иногда кюммель и легкія вина; водки же и пива и въ заводѣ не было. Прислуживалъ обыкновенно, уже въ счетъ наемной платы, сдавшій палатку. Конечно число нанимавшихъ было небольшое, но погребцами и другими предметами запасались многіе, и кондукторы малосостоятельный, еще съ зимы, откладывали свои сбереженія на покупки для лагернаго сезона.

До 1854 года кадетскій лагерь всегда былъ въ Петергофѣ и выпускъ въ офицеры производился по окончаніи лагернаго сбора, на обратномъ пути, на привалѣ; съ этого же года, въ виду войны, лагерь военно-учебныхъ заведеній переведенъ былъ въ Царскіе Села, на Софійскій плацъ и поставленъ тыломъ къ собору. Выступленіе изъ Петербурга совершалось такъ: въ назначенный день, къ полудню, весь кадет-

скій отрядъ, въ походной формѣ и въ ранцахъ, выстраивался у вокзала петербурго-варшавской желѣзной дороги, въ колоннахъ изъ середины, прѣѣжалъ Государь и при немъ производилась посадка кадетъ на платформы и нагрузка послѣднихъ орудіями артиллерійскаго училища, легкимъ обозомъ (тяжелый отправлялся ранѣе) и лошадьми офицеровъ и эскадрона школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. На первой станціи, отстоявшей отъ Царскаго Села въ нѣсколькихъ verstахъ, насыпь высаживали, строили и длинной походной колонной, черезъ весь городъ, мы вступали въ лагерь; тамъ ждали уже насы горячій обѣдъ и чай.

Лагерь разбить былъ образцово: линейки (дорожки) были тщательно утрамбованы и засыпаны пескомъ, деревянные диваны и тумбы весело зеленѣли; одного не доставало: тѣни. Хотя деревья и были посажены, но они были такъ еще молоды и чахлы, что не давали никакой защиты отъ зноя. Шатры военно-учебныхъ заведеній распределены были по передней линейкѣ, считая отъ праваго фланга, такъ: *первый* полкъ: 1-й баталіонъ—школа, инженеры, пажи; 2-й—первый баталіонъ дворянскаго полка; 3-й—второй баталіонъ того же полка. Михайловское артиллерійское училище съ выдвинутою впередъ батарею. *Второй* полкъ: 1-й баталіонъ—первый кадетскій корпусъ; 2-й—второй кадетскій корпусъ; 3-й—павловскій кадетскій корпусъ. На нашу роту полагалось два шатра; средніе столбы, поддерживавшіе ихъ гребни, окружены были пирамидами изъ ружей; кровати стояли перпендикулярно къ продольной оси шатровъ, по которой шелъ довольно широкій проходъ. Между кроватями помѣщались шкафчики, а амуниція, на случай тревоги, висѣла въ головахъ. Пода не было; его замѣнялъ плохо утрамбованный песокъ, несмотря на постоянныя провѣтриванія шатровъ, всегда влажный. Потолокъ шатра, хотя и двойной, промокалъ, а въ большихъ дожди пробивался насквозь, такъ что приходилось ложиться на мокрую постель и подъ мокре одѣяло, а около кровати зачастую стояли лужи. Подшивать же надъ своею койкою клеенку не разрѣшалось.

За кадетскими шатрами разбиты были палатки командировъ баталіоновъ и ротъ, дежурныхъ офицеровъ, музыкантовъ, служителей и пр. За среднюю линейкой, которая была шире другихъ, шелъ рядъ наѣсовъ для столовыхъ, кухни, конюшни и другія службы; тутъ же ютились и лавочки маркитантовъ. Лавочки эти были вмѣстѣ и клубомъ для кадетъ: около нихъ толпились не только воспитанники смежныхъ заведеній, но заходили кадеты и другихъ корпусовъ; закусывали, болтали и секретно покуривали. Содержатели лавочекъ, несмотря на то, что открывали потребителямъ довольно широкій кредитъ, торговали бойко и наживались. Товаръ не отличался разнообразіемъ, но быть свѣжъ и не особенно дорогъ: бѣлый и цеклеванный хлѣбъ, сухари и баранки, чай, сахаръ, кофе, ветчина, колбасы, лакомства, лимонады, табакъ и папиросы. Спиртные напитки и пиво достать было невозможно, такъ какъ маркитанты страшно боялись ответственности, да впрочемъ къ нимъ и не обращались любители спиртуознаго: сіе послѣднее приносилось изъ отпуска и бутылки закапывались въ землю не только въ «своихъ» палаткахъ, но и въ шатрахъ, подъ кроватями. Кроме маркитантовъ, имѣлись въ лагерь и бродячіе разносчики: съ ягодами, фруктами и разною мелочью.

День въ лагерь начинался рано: уже съ восьми часовъ слышались во всѣхъ концахъ сигналы горністовъ, барабанный бой и возгласы: «дежурного на линію!» На Софійскій плацъ производились ученья: одиночныя для слабыхъ, ротныя и, въ половинѣ сезона, баталіонныя. У насы хлопотъ было больше: мы готовились не только къ Царскому смотру всего отряда, но еще къ наводкѣ понтоннаго моста, въ

присутствіи Государя, трассировали и возводили не-большія полевыя укрѣпленія, плели туры и плетни, вязали фашини, одѣвали отлогости брустверовъ различными одеждами и занимались минными работами. Для всѣхъ этихъ занятій прикомандировывались къ намъ опытные саперные унтер-офицеры, конечно подъ высшимъ наблюденіемъ специалиста-офицера. Наводка моста производилась на озерахъ, вблизи вокзала желѣзной дороги. Тамъ, на берегу, стоялъ напѣтъ понтонный паркъ, состоявшій кажется изъ восьми фуръ, на которыхъ уложены были составныя части разборныхъ «русскихъ» понтоновъ. По командѣ «сваливай!» нумера (воспитанники) каждой фуры сваливали, въ извѣстномъ порядкѣ, эти части и быстро приступали къ сборкѣ понтоновъ. Остовъ каждого изъ нихъ образовывался изъ двухъ боковыхъ рѣшетчатыхъ рамъ и поперечныхъ брусковъ (все деревянное, окрашенное желтой масляной краской) и стягивался «штропами» (веревками) съ закрутнями. Остовъ покрывался «парусомъ» — толсто просмолленою, выкрашенною черною масляною краскою парусиною, съ ремнями и пряжками по концамъ. Ремнями этими нарусь пристегивался къ поперечнымъ брускамъ, служившимъ сидѣньями на кормѣ и на носу понтона, — къ боковымъ же рамамъ прикалачивался особыми короткими и толстыми гвоздями, съ шаровидною головкой, предварительно пропускаемыми сквозь отверстія небольшихъ квадратныхъ, деревянныхъ пла-нокъ. На дно понтона, по длини его, клались дѣ-доски, во избѣжаніе прорыва паруса ногами. Собран-ный понтонъ имѣлъ видъ четырехугольной призмы съ усѣченными концами. Сборка его, съ момента свалки до отнесенія къ берегу, продолжалась 5—6 минутъ и, не смотря на подобную быстроту, работа отличалась такою аккуратностью и прочностью что, въ мое по крайней мѣрѣ время, не было случая аваріи понтона. Послѣ спуска на воду, на каждый понтонъ клались поперекъ два смычные бруса (переводины), служившіе основаніемъ настилки моста, и садились на носъ и на корму по одному портупей-юнкеру, а за недостаткомъ ихъ — старшіе ефрейтора, вооруженные веслами и бағрами, съ сумками черезъ плечо съ необходимыми инструментами.

Въ линію будущаго моста понтоны входили по нумерамъ: № 1 немедленно смыкался съ пристанью, № 2 съ № 1 и т. д. На концахъ смычныхъ брусьевъ имѣлись три круглыхъ отверстія, на равномъ другъ отъ друга разстояніи, служившія для пропускания болтовъ смыкавшихъ брусья соединенныхъ понтоновъ. Самое удаленное отъ конца бруса отверстіе съуживало «пролетъ» (разстояніе между понтонами), самое ближнее его расширяло; въ виду этого, смотря по мѣстнымъ условіямъ, отдавались и разныя приказанія какъ смыкать: «на ближнюю», «среднюю» или «дал-нюю» смычки. Пристани строились во время сборки понтоновъ и, смотря по глубинѣ воды у берега, утверждались или «на козлахъ» или на деревянныхъ лодкахъ Бирағо *). Строителями пристаней бывали обыкновенно рябцы и слабосильные изъ другихъ классовъ. Вся наводка моста (время наблюдалось весьма точно и нѣсколькими лицами), на Царскихъ смотрахъ, продолжалась, отъ команды «сваливай!» до открытия переправы, 18—20 минутъ. Затѣмъ, по сигналу «къ переправѣ», весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній, съ артиллерией и кавалеріей, переходилъ черезъ на-веденій мостъ.

Для минныхъ работъ отведено было мѣсто въ самомъ концѣ плаца, противъ праваго фланга лаге-ра. Закладывались разные фугасы и булавы колодцы; послѣдніе съ зарядомъ въ 5—6 пудовъ пороха каж-

дый. Минные галлерей вились двухъ родовъ: большая, почти въ ростъ человѣка, съ отогнутымъ спускомъ въ нее и слуховымъ, такъ называемымъ голланд-скимъ рукавомъ, въ которомъ работать можно было только на корточкахъ, и контрѣ-мина, въ которую спускались изъ колодца, на бадьѣ; галлерея эта была меньшихъ размѣровъ и въ ширину и въ вышину и предназначалась для уничтоженія большой галлерей «камуфлетомъ», т.-е. такимъ взрывомъ, дѣйствіе котораго не обнаруживалось на поверхности земли, а разрушало только подземное сооруженіе непріятеля. Работать въ царскосельскомъ грунѣ было трудно: синяя, плотная глина *) съ мелкимъ камнемъ плохо поддавалась застулу и требовала кирки или мотыги, а иногда лома и даже топора; если же прибавить къ этому необходимость работать на корточкахъ или на колѣнѣахъ, да еще въ спретомъ воздухѣ, то конечно окажется, что трудъ былъ не изъ легкихъ.

Взрывы производились подъ конецъ лагерного сезона и всегда въ Высочайшемъ присутствіи. Къ назначеному времени рота выстраивалась на передней линійкѣ, въ курткахъ **) и фуражкахъ, остальные корпуса вызывались «всѣ на линію». Кто-либо изъ юныхъ Великихъ Князей, по приказанію Государя, соединялъ проводы и, окутанныя густымъ дымомъ, глыбы земли взлетали поочередно на воздухъ и съ дробнымъ грохотомъ падали на землю. Затѣмъ Государю подавали коляску и Онъ щахъ осматривать результаты взрывовъ. Моментально кондукторы, съ крикомъ ура! обѣпляли козла, подвожки, залѣтки и даже вѣзали въ самый экипажъ. И Николай Павловичъ и Александръ Николаевичъ не только терпѣли это, но всячески ласкали юношей, прося только поберечь рессоры коляски и не очень жать ихъ хозяевъ. Но кондукторы плохо слушали увѣщанія милостивыхъ Монарховъ: ловя на перерывѣ ихъ руки, восторженно цѣляя ихъ, стараясь замѣнить осчастливленій, они брали съ бою ближайшія мѣста и производили такую сумятицу, что коляска двигалась не только все время шагомъ, но и не однажды останавливалась на пути.

(Продолженіе съдушенія).

*) Австрийскаго типа. Лодка состояла изъ трехъ частей, связанныхъ вмѣстѣ; каждая третья часть изображала изъ себя небольшую самостоятельную лодку, годную для переправы войскъ черезъ не широкія и не быстрыя рѣки.

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаний).

(Продолжение).

Но я забѣжалъ впередъ... возвращаюсь къ описанію лагернаго дня.

Завтрака, такъ же, какъ и въ городѣ, не полагалось. Кондукторы пробавлялись чѣмъ хотѣли: казеннымъ чернымъ хлѣбомъ съ квасомъ, своимъ чаемъ или молокомъ, маркитантскими закусками. Около полудня или нѣсколько позже, смотря по очереди съ другими корпусами, желающіе отправлялись купаться, конечно въ строю и подъ командою дежурнаго офицера, въ дворцовую купальню, находившуюся въ паркѣ, недалеко отъ большого пруда, въ кустахъ. Купальня эта, въ видѣ прямоугольника, представляла изъ себя большое, опущенное тесомъ, капитальное зданіе съ полукрышей надъ концами и боковыми проходами, гдѣ стояли лавки для раздѣванія. Внутри купальни вырытъ былъ прудъ съ покатымъ, отъ 1½ до 2½ аршинъ глубины, дномъ (глубина воды могла быть измѣнена по желанію), усыпанымъ мелкимъ бѣлымъ пескомъ. Большого діаметра трубы — одинъ проводили чистую ключевую, довольно холодную, воду въ купальню, другія отводили загрязненную. Купаться первыми было чистое наслажденіе: отстоявшаяся за ночь вода была прозрачна какъ хрусталь, — купалось-же настъ съ человѣкъ сорокъ, много пятьдесятъ, такъ что мутилась она мало; за то купаться поѣхъ корпусовъ, когда вода принимала молочный цвѣтъ, — было не совсѣмъ пріятно. Вотъ, для уравновѣшненія этихъ условій, и была установлена для заведеній очередь.

Возвращаясь съ купанія, мы неоднократно встрѣчали въ паркѣ Великихъ Князей и самаго Государя. Обыкновенно они присоединялись къ намъ, шли рядомъ и милостиво съ нами разговаривали. Помнится, однажды Государь Александръ Николаевичъ встрѣтилъ настъ у плотика на большомъ прудѣ, подозрѣвъ и началь сталкивать настъ съ плотика въ воду. То-то хохоту у настъ было! Конечно многіе летѣли въ прудъ уже не отъ руки Государя, а по своей охотѣ.

Въ два часа мы обѣдали. Случалось нерѣдко, что прѣѣзжали къ намъ въ это время молодые Великіе Князья и чапце всѣхъ нашъ Генераль-Инспекторъ *). Мы очень его любили и нѣсколько не боялись. Онъ подсаживался къ намъ на скамью, пробовалъ пищу, шутилъ и всегда обращался съ нами ласково и совершиенно просто. Послѣ обѣда ходилъ съ нами смотрѣть фортификаціонныя и минныя работы, обходилъ шатры и все это дѣлалъ безъ всякой офиціальности, какъ-бы гуляя. — Простъ и любезнѣй былъ въ обращеніи и Государь Александръ Николаевичъ; о немъ разсказывалъ мнѣ мой товарищъ Б., лежавшій, болѣннымъ въ тифѣ, въ отрядномъ лазаретѣ: «два раза былъ у меня Государь и оба раза одинъ, вечеромъ...

Первый разъ я былъ въ забытіи, а во второй вижу подходитъ къ моей кровати генераль-адъютантъ... я лежалъ въ палатѣ одинъ, и осторожно садится на стулъ около моего изголовья... Смотрю: Государь! Такъ мнѣ вдругъ хорошо на душѣ стало, а повѣрить боюсь... тогда я только поправляться началъ, думаю: опять галлюцинація... Поздоровался со мной, стала разспрашивать, успокоивъ, да такъ ласково... Потомъ взялъ со столика вѣточку и давай меня обмахивать (мухъ было прощасть). Я не выдержалъ, приподнялся и схватилъ Его руку, чтобы поцѣловать ее, но сейчасъ-же и упалъ въ обморокъ отъ слабости. Государь, говорили мнѣ потомъ, очень встревожился, поднялъ всѣхъ бывшихъ въ лазаретѣ докторовъ на ноги и ушелъ только тогда когда Ему доложили, что опасности нѣтъ. Несмотря на это, Онъ однако приказалъ доносить Ему ежедневно о состояніи моего здоровья».

Послѣ обѣда ходили на ученья (одиночныя и шереножныя) только слабые по фронту, но раза два въ недѣлю, передъ Царскимъ смотромъ, назначались ротныя и баталіонныя. Свободные отъ занятій воспитанники шили чай, посѣщали знакомыхъ, предпочтительнѣо артиллеристовъ, — традиціонныхъ друзей инженеровъ, читали или прогуливались по лагерю. Выходить за линейку строго воспрещалось. — Пажей и Школу мы почти не посѣщали, такъ какъ «своихъ» палатокъ они не имѣли (у артиллеристовъ палатки арендовались такъ-же какъ и у настъ), но нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ которыми сошлись, принимали у себя радушно. Надо сознаться, мы считали себя ровней только артиллеристовъ, такихъ-же юнкеровъ, а не кадетъ, какъ и мы, получавшихъ такое-же серіозное образованіе и такъ-же усидчиво трудившихся. Вѣдь намъ очень хорошо было извѣстно, что многіе изъ Школы и Пажей выходили въ гвардію чуть не съ двойками изъ нѣкоторыхъ предметовъ, тогда какъ инженеру или артиллеристу усиленно заниматься и въ училищѣ и въ офицерскихъ классахъ (преобразованныхъ потомъ въ академію), чтобы попасть въ гвардію, да и то 20 а не 18 лѣтъ. И все это потому, что тамъ, въ привилегированныхъ заведеніяхъ, учились дѣти аристократовъ или богачей, или людей со связями, а у настъ воспитывалось среднее дворянство, зачастую бѣдное и безъ протекції, нуждавшееся въ кускѣ хлѣба. Не нравились намъ и фатовство воспитанниковъ Школы, въ особенности кавалерійской половины, и женственность пажей, изѣженныхъ извѣстнымъ Ж—мъ. Положимъ, во всѣхъ этихъ чувствахъ немалую роль играла и зависть... Дворянскій полкъ отталкивалъ настъ свою грубостю и неразвитостью; большинство кадетъ были люди на возрастѣ, годные хоть сейчасъ въ любой полкъ на дѣйствительную службу. Въ отрядѣ звали ихъ «токами». Съ корпусами, по отдаленности ихъ расположенія, мы не имѣли ничего общаго, да и относились къ нимъ, надо признаться, съ высокой, называя ихъ не иначе какъ «кадефонами».

Послѣ ужина и заревой пушки (9 часовъ) и до отбоя (10 часовъ) хоръ пѣвчихъ, общій съ артиллеристами, прекрасно исполнялъ военные и народныя пѣсни; въ особенности удавались, въ тихій вечеръ, такія вещи, какъ: «Коль славенъ», «Боже, Царя храни», «Алла-га» и др. въ этомъ родѣ. Стойнѣе, мощные аккорды привлекали много слушателей. Самъ Государь Николай Павловичъ очень любилъ слушать пѣніе инженеровъ и, когда прѣѣзжалъ вечеромъ, часто заставлялъ кондукторовъ пропеть Ему что-нибудь.

Тревоги производились не часто, но всегда неожиданно, въ особенности при Николаѣ Павловичѣ. Ночью — что то не помню, а въ дождь — бывало. Прѣѣдетъ Государь (и Александръ Николаевичъ поступалъ такъ же), днемъ или вечеромъ, когда кадеты въ разбросѣ, воспретить вызывать «всѣхъ на линію», заѣдеть и туда, и сюда, да вдругъ и прикажетъ дежурному барабанщику ударить тревогу... Батюшки,

* Великій Князь Николай Николаевичъ.

что за столпотворение вавилонское произойдетъ!.. Намъ потруднѣе было выскакивать: шанцевый инструментъ задерживалъ, скоро его не приладишь, въ особенности лопату... Ну, выстроимся на передней линейкѣ, красные, запыхавшіеся—и поведѣть насъ Государь въ поле, обыкновенно недалеко, версты за двѣ, за три разсыплютъ цѣпь, смынать ее, свернуть затѣмъ въ колонны, церемоніальный маршъ—и баста! Государь Александръ Николаевичъ быстро производилъ ученья и маневрированія—только не зѣвай, да поспѣвай во время! На мелочи Онъ мало обращалъ вниманіе; зато Николай Павловичъ все подмѣчалъ, всякий не-порядокъ какъ въ одеждѣ, такъ и въ пригонкѣ амуниціи; не ускользаль отъ него и человѣкъ ружейный приемъ и неправильное командованіе, такъ что пожалуй теперь и не опредѣлишь чьего смотра мы больше боялись.

Караулы выставлялись отъ всего отряда, по оче-реди; ихъ было два: на передней и задней линейкѣ; оба унтеръ-офицерскіе. По воскресеньямъ и второстепеннымъ праздникамъ почти всегда назначались церковные парады, въ праздничной формѣ, безъ ружей, около походной церкви отряда или Софійскаго собора; парады эти изстари назывались «зеленчаками», по цвѣту шатра, въ которомъ помѣщалась походная церковь, и въ отличие отъ «золотыхъ» парадовъ, происходившихъ въ высокоторжественные дни, у Императорскаго дворца. На «золотые» парады наряжались обыкновенно лучшіе фронтовики, а на «зеленчаки» и въ караулы—рябцы и слабые по фронту, при чмъ плохихъ изъ старшихъ классовъ старались не беспо-коить.

Во второй половинѣ юла бывалъ Царскій смотръ всего отряда, весьма блестящій, почти всегда въ присутствіи кого-либо изъ иностранныхъ принцевъ и высокопоставленныхъ военныхъ. Въ мое время смотры эти сходили благополучно, но по разсказамъ «стариковъ» бывали предже и неудачи, при чмъ Государь Николай Павловичъ иногда *гонялъ* кадетъ съ плаца и приказывалъ усиленно подготавлять ихъ ко второму смотру, а начальство *пробирали* крутенько и даже нѣкоторыхъ саживалъ подъ арестъ.

По благополучномъ окончаніи смотра, весь отрядъ избавлялся на три дня отъ всякихъ занятій и отыхалъ. Потомъ начинались по вечерамъ «примѣненія къ мѣстности» и затѣмъ маневры въ Высочайшемъ присутствіи, которые длились два-три дня. Ночевать мы возвращались въ лагерь, но пищу привозили намъ на бивакъ, гдѣ мы имѣли привалъ.

Церемонія посвященія «рябцовъ» въ настоящіе кондукторы (то-есть предоставлениія нѣкоторыхъ правъ) я уже не саставлялъ: она сама по себѣ, безъ всякаго виѣшняго давленія, исчезла еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, благодаря своей безсмысленности. По преданію, совершилась она незадолго до выступленія изъ лагеря и состояла въ слѣдующемъ: въ свободный вѣчеръ, когда нельзя было ожидать помѣхи, въ одномъ изъ шатровъ отодвигались кровати и образовывалась свободная площадка; въ началѣ ея, у одной изъ ружейныхъ пирамидъ, возвигался тронъ изъ табуретовъ, на который возводилась «пиеія»—самый уродливый изъ рябцовъ, въ тогъ изъ простыни и въ вѣнкѣ изъ какой-нибудь зелени или полевыхъ цвѣтовъ. По бокамъ «пиеіи», на подставкахъ возжигались єюміамы, по-просту «монашенки» и укладывались на табуреты орудія страданій рябцовъ: каучуковый хлыстъ, линейка и штыкъ. По данному знаку за спиной «пиеіи» вспыхивалъ красный бенгальскій огонь и хоръ пѣвчихъ, тихо и мрачно запѣвалъ какуюто глупую канту, нарочно для того сочиненную, содержаніе которой я забылъ. Рябцы, задрапированные въ простыни, подгонямые церемоніймейстерами изъ старшихъ кондукторовъ, гуськомъ подходили къ «пиеіи», склоняли голову и получали отъ нея сначала по легкому удару каждымъ

изъ орудій, съ соотвѣтствующими присказками, какъ напримѣръ относительно линейки: «бю тебя мечемъ древеснымъ, сирѣчь линейкой», а потомъ закуренную папироску для затяжки (и не курящіе обязаны были затянуться), въ знакъ того, что теперь посвященному разрѣпшается куреніе (но всякий разъ съ позволенія старшаго). По прохожденіи всѣхъ «рябцовъ», «пиеія» обращалась къ нимъ съ краткою рѣчью, въ которой объясняла важность только-что совершившагося акта и серьезность обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ стараго кондуктора, и затѣмъ сходила съ трона. Бенгальскій огонь потухалъ, посвященные снимали свои классическія одежды и «пиеія», сбросивъ съ головы вѣнокъ, возвращалась къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Канунъ выхода изъ лагеря ознаменовывался дѣланіемъ прощальныхъ визитовъ, товарищескими засксками и усиленіемъ посвященіемъ маркитантскихъ лавочекъ. Появлялись на свѣтъ Божій и закопанныя завѣтныя бутылочки. Подъ вечеръ во всѣхъ концахъ лагеря раздавались хоровыя пѣсни и по средней линейкѣ прогуливались веселыя кучки пріятелей. Скандали, и то небольшие, случались рѣдко, а если бывали—начальство снисходительно игнорировало ихъ. Пьяные не встрѣчались, но возбужденное состояніе нѣкоторыхъ приходилось отмѣтить. Съ отбоемъ не спровалились: долго еще послѣ него, темная тѣни кадетъ бродили по лагерю и въ открытыхъ полотнищахъ дверей «своихъ» палатокъ виднѣлись огоньки, озарявши молодыя лица пріятелей, заканчивавшихъ свою прощальную трапезу...

Въ 1856 году, не припомню въ началѣ или въ концѣ, стараніями Якова Ивановича Ростовцева ²⁾), офицерскіе классы училища преобразованы были въ Николаевскую инженерную академію. Собственно говоря, академія эта не была самостоятельной: учреждена была Императорская военная академія, распадавшаяся на три академіи (отдѣленія): Николаевскую генерального штаба, Николаевскую инженерную и Михайловскую артиллерійскую. Программа преподаванія и профессора остались почти тѣ же; расширенъ былъ только курсъ химіи (въ практическомъ отношеніи) и вновь устроены лабораторія и помѣщеніе для производства химическихъ опытовъ и анализовъ. Къ поступленію въ академію допущены были офицеры всѣхъ родовъ оружія, причемъ окончившіе курсъ третьаго специального класса, по инженерному отдѣленію, принимались въ академію безъ экзамена, а поступавшіе изъ фронта или не прошедши курсъ третьаго специального класса—обязаны были держать экзаменъ. Жалованье, во время пребыванія въ академіи, было доведено до шестисотъ рублей въ годъ, считая и двойная квартирная (по столичному положенію) деньги. Жить было можно, въ особенности по сравненію съ прежнимъ окладомъ (около трехсотъ рублей). Тяжело приходилось, недостаточнымъ офицерамъ, въ первую треть, когда производился вычетъ за разбитую посуду, утерянное бѣлье и разныя поломки. Вычетъ этотъ доходилъ иногда до 50—70 рублей (!) съ человѣка, основывался на совершенно фантастическихъ донесеніяхъ служителей и представлялъ изъ себя родъ налога, совершило незаконнаго и несправедливаго. Пробовали нѣкоторые изъ офицеровъ, побойчѣе, требовать представленія данныхъ, на основаніи которыхъ выводилась та или другая сумма причиненныхъ казнѣ убытокъ, но проглядѣвъ выписку, за четыре года, грошевыхъ цифры и не имѣя возможности доказать произвольность ихъ, конечно бросали неблагодарный трудъ и волею-неволею мирились съ грустнымъ фактъмъ вычета. А между тѣмъ 50—70 рублей для офицера, живущаго однимъ

²⁾ Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, по военно-учебнымъ заведеніямъ.

жалованьемъ, да еще въ Петербургъ, вынужденаго покупать и книги и письменныя принадлежности, — сумма не малая, да и обидно наконецъ платить ее, когда въ четыре года, разбить какихъ-нибудь 10—20 плохихъ тарелокъ или сломать ножку у табурета! Стаканъ разбить было мудрено—стекло было толщиной въ мизинецъ, а изъ бѣлья можно было потерять разъѣ грошевый платокъ, но никакъ не рубашку или что другое, иначе пришлось бы обращаться къ капитенармусу за новою вещью, надѣвъ предварительно куртку или мундиръ на голое тѣло!

Въ 1858 году, по окончаніи экзаменовъ, офицерамъ инженерной и артиллерійской академій пе-решедшимъ въ практическое отдѣленіе (старшій классъ) съ производствомъ въ подпоручики, присвоены были аксельбантъ, которые, при условіи окончанія полнаго академического курса, могли носиться, до чина полковника включительно *), какъ при инженерномъ, такъ и при другихъ мундирахъ **). Сначала аксельбантъ были по цвету прибора (шитья и пуговицъ), но когда, на разводѣ л.-гв. сапернаго баталіона, покойный Государь Александръ Николаевичъ увидѣлъ всѣхъ офицеровъ съ аксельбантами (все воспитанники инженерного училища), напоми-навшихъ флигель-адъютантовъ (только вензелей на эполетахъ не было), то приказалъ офицерамъ, всѣхъ трехъ академій, носить аксельбантъ противополож-наго прибору цвета, т.-е. при золотомъ—серебряные и на оборотъ.

По окончаніи смотра, всѣ вновь выпущенные офицеры, въ теченіе двухъ недѣль, разсыпались по Петербургу и его окрестностямъ и веселились вволю; посыпали рестораны, каменноостровскій театръ, въ которомъ давались еще представленія, а чаще всего «Заведеніе минеральныхъ водъ», въ «Новой деревнѣ», или «Минерашки», антрепренеромъ которыхъ былъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Излеръ. «Минерашки» были чуть не единственнымъ лѣтнимъ увеселительнымъ мѣстомъ и, разнообразіемъ развлече-ній, привлекали къ себѣ массу посѣтителей. Иванъ Ивановичъ былъ мастеромъ своего дѣла и не жалѣлъ денегъ на то, чтобы угодить публикѣ. Новый талантъ, интересная новинка прежде всего появлялись въ «Минерашкахъ». И хороши сбory дѣлъ Излеръ, но подъ конецъ прогорѣлъ и «Минерашки» прекра-тили свое существование.

Въ концѣ іюня, всѣ выпускѣ отправлялся на съемку ***). Начальникомъ отряда, при мнѣ, былъ полковникъ С., преподаватель топографіи; при немъ состояли репетиторы; для наблюденія же за обучаю-щимися офицерами командированъ былъ иодполковникъ фонъ Г. Мѣстность, которую мы должны были нанести на планъ, находилась въ Новгородской губерніи, въ восьми верстахъ отъ станціи «Валдайка», Николаевской желѣзной дороги. Для главной квар-тиры назначена была большая деревня «Сонки», къ концу которой примыкала помѣщичья усадьба сред-ней руки, съ домомъ и садомъ, но помѣщика или его семейныхъ, хотя они и жили въ деревнѣ, мы во все лѣто не видали ни разу. Ютились офицеры въ лѣт-нихъ крестьянскихъ избахъ (горенкахъ), по два и по три человѣка, конечно за плату; кровати, необходимая посуда, провизія, не подверженная скорой пор-тѣ, привезены были изъ Петербурга. Впослѣдствіи все нужное мы получали черезъ кондукторовъ желѣз-

*) У академіи генерального штаба право носить аксельбантъ существовало и раньше.

**) Право ношения аксельбанта предоставлено было и всѣмъ прежде окончившимъ полный курсъ офицерскихъ классовъ.

***) Въ пятидесятыхъ годахъ, окончившіе училищный курсъ кондукторы, по производствѣ въ офицеры, не выпускались во фронтъ какъ тенеры, а прямо по окончаніи съемки, поступали въ академію. Тоже было и въ артиллерійской академіи.

ной дороги, благодаря любезности начальника станціи г. Небольсина. Пищѣй довольствовались на артель-номъ начальѣ: собирались кучками, закупали все со-обща и расходъ вели общий. Нельзя сказать чтобы кушали мы хорошо: меню нашихъ обѣдовъ не отли-чались разнообразіемъ, такъ какъ не только какія-либо овощи или дичь, но рыбу и даже говядину труда было всегда имѣть на мѣстѣ—приходилось доставать иной разъ издалека. А о приготовленіи и говорить нечего: наши Vatel'и были крестьянскія бабы или, насмотрѣвшіеся на барской кухнѣ, дворо-вые. Ну да въ двадцать лѣтъ офицерскіе вкусы не особенно разборчивы, а молодые, крѣпкіе желудки отличнно справляются и съ грубою пищѣй.

Осмотрѣвшись и устроившись, приступали къ ра-ботамъ. Разбивалась тригонометрическая сѣть, для чего избирались, прежде всего, существующіе знаки: шпили церквей, мельницы на возвышенныхъ мѣстахъ и т. п., а за неимѣніемъ или за недостаточностью ихъ, ставили высокія вѣхи съ флагами. Первые тре-угольники сѣти были довольно велики и разстоянія отъ точки до точки были не близки, обойтись безъ лошади было почти невозможно и потому офицерамъ, назначеннымъ для постановки вѣхъ, необходимо было обзавестись лошадьми. Конечно лошади были кресть-янскія, всевозможныхъ лѣтъ и характеровъ, съ са-мыми разнообразными привычками, а импровизован-ные всадники, за весьма рѣдкими исключеніями, еле-ле умѣли сидѣть на лошади *). Горе была кава-лерія!.. Надо еще прибавить, что разъѣ у двухъ-трехъ офицеровъ имѣлись сѣдла; остальные жеѣздили или на коврѣ, сложенномъ въ нѣсколько разъ, или на подушкѣ, перехваченной подиругой!

Съемка была мензульная; офицеры разбивались на партии. Отъ времени до времени партии свѣряли свои «планшеты», исправляли ошибки и сводили вмѣстѣ граничащія линіи. Внутреннія подробности наносились на планшетъ уже послѣ общей свѣрки. По окончаніи тригонометрической съемки производи-лась глазомѣрная, верхомъ.

(Продолжение сльдуетъ).

Главное (Николаевское) инженерное училище въ пятидесятыхъ годахъ.

(Изъ воспоминаний).

(Окончаніе).

Вставали мы рано и, напившись чаю, спѣшили на мѣсто, чтобы побольше сдѣлать до наступленія полуденной жары. Въ полдень выбирали мѣсто гдѣ-нибудь въ тѣни и закусывали чѣмъ Богъ послалъ, каждая партія отдельно. Начальникъ съемки объѣзжалъ работавшихъ, давалъ указанія, рассматривалъ планшеты и разрѣшалъ недоразумѣнія. Часамъ къ четыремъ мы возвращались домой и садились обѣдать; вечеромъ и въ праздники мы бывали всегда свободны и или гуляли, или читали, или навѣщали другъ друга. Кутежей, а также картъ, и въ поминѣ не было.

Большой отрадой для нѣкоторыхъ изъ настѣ, въ особенности при царившей въ «Сопкахъ» скучѣ, было посѣщеніе гостепріимнаго и крайне пріятнаго дома начальника станціи «Валдайка» г. Небольсина. И онъ, и жена его были милѣйшіе и простѣйшіе люди. Дѣтей у нихъ не было. Собирались мы у нихъ по воскресеньямъ и праздникамъ, часамъ къ двумъ пополудни, и просиживали весь день; завертывали иногда и въ будни. Вотъ было чистенъе препровожденіе времени! Сначала скромный, предложенный отъ души обѣдъ, несмолкаемы разговоры о литературѣ, музыкѣ, о послѣдніхъ газетныхъ извѣстіяхъ, всегда веселое, живое настроеніе присутствовавшихъ, потомъ послѣ кофе музыка... Ц. А. Кюи, нашъ молодой репетиторъ, игралъ въ четыре руки съ т-те Небольсиной, исполнялъ отрывки изъ своей оперы «Кавказскій пленникъ» или романсы своего сочиненія, составлялъ тріо и квартеты; иногда пѣли хоромъ, разсѣвшиись на берегу р. Валдайки, протекавшей недалеко отъ дома. Безъ ужина Небольсинны не отпускали; за дружескими разговорами мы часто просиживали у нихъ за полночь. Возвращеніе наше домой имѣло видъ весьма комичный: кто щахъ верхомъ, вмѣсто сѣдла, на подушкѣ или коврѣ, кто на простой крестьянской телѣгѣ. Смѣху, самаго искренняго, безобиднаго, было довольно—и всякий разъ неохотно уѣзжали мы отъ Небольсинахъ въ «Сопки», и всякий разъ съ надеждой скоро урваться изъ нихъ на привѣтливую станцію «Валдайка».

Въ первой половинѣ августа занятія наши кончались и мы возвращались въ Петербургъ. Начинались хлопоты по пріисканію квартиръ и устройству ихъ. У родственниковъ жили не многіе, большинство же офицеровъ помѣщалось въ недорогихъ меблированныхъ комнатахъ или нанимало квартиры сообща. Послѣднее практиковалось офицерами посостоятельнѣе, у которыхъ имѣлась собственная прислуга. Столовалось

*) Въ настоящее время известный композиторъ.

офицерство чапце всего въ кухмистерскихъ, пред- почтительно у Мильбрета, на углу Большой Морской и Кирпичного переулка. Тамъ было недорого, пища свѣжая и недурно приготовленная; кромѣ того, за обѣдомъ царилъ всегда полный порядокъ и сомнительная публика не допускалась.

1-го сентября начинались лекціи. Офицеры приходили въ академію къ девяти часамъ утра и оставались до половины третьяго; уроковъ было три или четыре, смотря по предметамъ: для нѣкоторыхъ времени полагалось болѣе. Отъ 11 часовъ до полудня былъ перерывъ и офицеры курили *) и закусывали; посыпали къ Людекенсу за «кнаквурстами», облюбованными еще въ училищѣ, или къ Фойе за горячими пирожками; нѣкоторые-же поднимались въ третій этажъ пить кофе, который жена старшаго писаря Новикова варила превосходно.

Лекціи посѣщались офицерами довольно аккуратно; въ случаѣ неявки, офицеръ обязанъ быть прислать рапортъ, съ изложеніемъ причинъ, наблюдающему штаб-офицеру. Ихъ было два: полковникъ Ковалевъ и подполковникъ фонъ-Гильдебрантъ — оба премилые и иредобрые. Первый, впрочемъ, любилъ иногда поворчать и отпустить легкій реприамъ за опозданіе или неподачу рапорта, но все это дѣлалось больше для очистки совѣсти. По инструкціи, наблюдающіе штаб-офицеры обязаны были изрѣдка навѣщать офицеровъ на квартирахъ (конечно, не у родственниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ начальству академіи) и въ меблированныхъ комнатахъ, чтобы имѣть понятіе объ ихъ житьѣ-бытьѣ, но это почти не исполнялось, развѣ офицеръ серіозно заболѣвъ и начальникъ академіи поручить наблюдающему принять въ заболѣвшемъ участіе.

Преподаватели въ академіи всѣ были новые; изъ училищныхъ перепѣль съ нами только полковникъ Х, учитель фортификаціи, о которомъ я уже говорилъ. Крупнѣйшимъ изъ профессоровъ и самымъ почитаемымъ былъ академикъ М. В. Остроградскій, въ свое время, математическая знаменитость. Онь читалъ въ теоретическомъ отдѣленіи интегральное исчисление. Это былъ высокаго роста, полный мужчина, внушительнаго вида, лѣтъ подъ шестьдесятъ, кривой, —истый хохоль, какъ по вѣнѣности, такъ и по характеру. Знакомства съ нимъ мы ждали съ трепетомъ —такъ много наговорили намъ о немъ страшнаго! А на дѣлѣ оказалось, что страшнъ онъ былъ для зубриль, да неразвитыхъ, вообще-же былъ человѣкъ добродушный, невозмутимый и большой оригиналъ. Вотъ какъ состоялось наше первое свиданіе. Остроградскій вошелъ въ классъ, молча отдалъ намъ шоколонгъ и гѣнко опустился въ кресло, стоявшее передъ профессорскимъ столикомъ. На столикѣ лежали: журналъ съ отмѣтками Вышнеградскаго, по дифференціальному исчислению, кучка нюхательнаго «бобковаго» табаку на четвертушкѣ писчей бумаги, чистое полотенце и стоялъ стаканъ воды (все это было приготовлено по издавна заведенному порядку). Остроградскій опустилъ два пальца въ стаканъ, смочилъ нѣсколькими каплями воды табакъ, перемѣшалъ его и, сдѣлавъ понюшку-другую, вымылъ руку и обтеръ ее полотенцемъ. — «А кто здѣсь изъ полтавскихъ?» — спросилъ М. В. Отозвалось двое-трое. — «Пузы, душенки, землячки мои, будэте проконсулами... Ваши фамилии?» (отмѣтилъ въ журналѣ). Потомъ обвелъ глазами все офицерство и остановился на самомъ невзрачномъ: — «Фамилия ваша?...» (Тотъ сказалъ). — «А вы — консуломъ?... Консулъ и проконсулы возрадовались, какъ по традиціямъ могли разсчитывать на поддержку Остроградскаго на экзаменѣ. Затѣмъ остальные офицеры были раздѣлены, смотря

по отмѣткамъ, на «патриціевъ» и «плебеевъ» *). Остроградскій читалъ хорошо, но слишкомъ быстро и не любилъ, чтобы его переспрашивали; записывать за нимъ было трудно. Каждая теорема носила особое название: «Александръ Македонскій», «Птоломей», «Наполеонъ» и т. д.— «Ну, душенка, расскажите мнѣ Птоломея», и если вызванный отвѣтилъ неладно, М. В. хладнокровно встанетъ съ кресла, подойдетъ къ доскѣ, перемараетъ написанное и скажетъ: — «Садитесь... Вы, душенка, нычаго не понимаете... Садитесь...» И не спросить этого «душенъку» вплоть до экзамена. Только подъ конецъ курса вызоветъ, чтобы дать возможность исправиться, да и то, если увидѣть, что изъ молодого человѣка толкъ выйдетъ. — «Худой инженеръ бѣзъ математики будѣтъ!» — говорилъ Михаилъ Васильевичъ.

Остроградскій нерѣдко пропускалъ уроки и случалось, что вмѣсто одной лекціи, онъ читалъ вдругъ двѣ и три, чтобы нагнать пропущенное кремя, —тогда тяжеленько намъ бывало! Экзамена изъ интегральнаго исчислѣнія страшно боялись; существовало убѣждѣніе, что кто выдержитъ его, непремѣнно перейдетъ въ практическое отдѣленіе и получить подпоручика, а провалится —шиши пропало! Со мной былъ такой случай на годовомъ экзаменѣ (полугодовыхъ въ академіи не было): беру билетъ и вдругъ вижу, что написанной на немъ задачи не знаю (на каждомъ билетѣ, внизу, прибавлена была задача; помѣщенная въ моемъ билогѣ не была объяснена, какъ и еще три-четыре задачи, за недостаткомъ времени), —похолодѣлъ даже весь! Пишу отвѣтъ на билетъ и жду, когда Остроградскій подойдетъ къ намъ... Подходитъ. «Ваше превосходительство... Ваше превосходительство!» — отчаянно шепчу ему... Молча проходитъ мимо. Совершенно уничтоженный, продолжаю писать... Вдругъ слышу, за спиной, голосъ М. В.: «нѣ бойтесь, душенка, рѣзать вѣсть нѣ стану!» — «Я задачи только не знаю... она изъ послѣднихъ...» уже успокоившись, заявляю я.

— «А другія... знаэгэ?» — «Знаю». Остроградскій отошелъ. Пришла моя очередь отвѣтить. Вижу, М. В. говорить начальнику училища что то на ухо, тутъ кивнулъ головой и Остроградскій предложилъ мнѣ стереть все написанное. Страхъ охватилъ меня... Всѣ ужасы, которые разсказывали про Остроградскаго (конечно, сильно преувеличены), молнией сверкнули у меня въ головѣ и мундиръ армейскаго сапера, какъ пугало, вдругъ всталъ передо мною. Прощай чинъ подпоручика, аксельбанты! — «Вы, душенка, бызѣтъ знаэте... посмотрѣмъ какъ съ задачей справытесь»... — и диктуетъ задачу изъ... легонькихъ... Меня моментально въ жаръ бросило! Живо рѣшилъ и, получивъ 11, какъ безумный выбѣжалъ изъ комнаты.

Отъ одного академика перейду къ другому, почтенному старичку г. Эйхвальду. Преподавалъ онъ, въ теоретическомъ отдѣленіи, «строеніе земной коры» и «оригеногенію» — науку о минералахъ. Вотъ согрѣщеніе то было учить послѣднюю: сплошная долбня! О каждомъ минералѣ надо было объяснить мѣстонахожденіе его, породу, въ которой минералъ встрѣчается, форму и цвѣтъ его. Подробности требовались ужасныя. Напримѣръ: цвѣтъ какого то минерала (названія не помню) облечень былъ въ такую сложную форму: «луково-фисташково-спаржево-зеленый»! Извольте запомнить нѣсколько десятковъ такихъ определений и безошибочно примѣнить къ извѣстному минералу! Конечно, ихъ и не примѣняли такъ, какъ требовалось: задалбливали только главный цвѣтъ, а дополненія къ нему называли уже по вдохновенію. Привирали на экзаменѣ также не мало, пользуясь присутствіемъ добродушныхъ ассистентовъ и тѣмъ, что почти никто не помнилъ всѣхъ «луково-фис-

*) Для куренія отведена была отдельная комната.

*) Прикомандированные офицеры попадали по большей части въ «плебеевъ».

ташково-спаржевыхъ» оттѣнковъ. Старичекъ Эйхвальдъ оставалъ галъ говорившаго, махалъ рукой и качалъ головой, но все это пропадало даромъ: бойкій офицеръ (а то орікотгнозіи всѣ были бойки) несъ свое, пересыпалъ суть билета мудреными названіями, чутъ не изъ всего курса, и затѣмъ умолкалъ. Добрый академикъ, въ послѣдній разъ махалъ рукой и сконфуженно, безъ протеста, выслушивалъ одобрительные отзывы присутствовавшихъ.

Хорошо и интересно читать военную исторію Генрихъ Антоновичъ Лееръ, подполковникъ генерального штаба *), бывшій воспитанникъ инженерного училища, впослѣдствіи начальникъ академіи генерального штаба и крупный военно-ученый авторитетъ. Свѣтлая, хорошая личность, видѣвшая въ обучающемся офицерѣ товарища, всегда готовая прійти къ нему на помощь доставленіемъ ли переводовъ или уроковъ, помѣщеніемъ ли статей въ военныхъ журналахъ, Г. А. былъ нашимъ любимцемъ, котораго мы высоко цѣнили и уважали. Тактикой и военною исторіей, а также рѣшеніемъ тактическихъ задачъ, мы занимались добросовѣстно и экзамены изъ этихъ предметовъ проходили всегда удачно, за весьма рѣдкими исключеніями.

Волѣе блестящимъ, но за то менѣе серіознымъ, лекторомъ былъ штабсъ-капитанъ путей сообщенія Соколовскій, преподававшій исторію гражданской архитектуры. Мы его заслушивались, но о той связи, которая соединяла насть съ Лееромъ, не было и помину: Соколовскій держался отъ насть далеко и отношения наши къ нему имѣли характеръ совершенно официальный, ученика къ учителю.

Полковникъ Роше, профессоръ военно-строительного искусства и изобрѣтатель весьма извѣстнаго въ мое время «цемента Роше», зналъ свой предметъ прекрасно, но ораторскимъ талантомъ не отличался; за то все, что передавалъ слушателямъ, было такъ понятно изложено, такъ объяснено на дѣлѣ, что тотчасъ же легко усвоивалось и невольно врѣзывалось въ память.

Оставленіе офицера на другой годъ, въ которомъ либо изъ отдельній, не допускалось; не выдержавшіе переходный экзаменъ инженеръ-прапорщики отсыпались во фронтъ, въ армейскіе саперы или конно-піонеры, а прикомандированные изъ гвардіи и другихъ частей — возвращались въ свои части. Переэкзаменовки разрѣшались крайне рѣдко, самимъ Я. И. Ростовцевымъ и только въ исключительныхъ случаяхъ.

Перешедшіе въ практическое отдѣленіе офицеры командировались, на все лѣто, въ разныя крѣпости для практическихъ занятій; нѣкоторымъ разрѣшались двухмѣсячные, съ сохраненіемъ содержанія, отпуски.

Курсъ практическаго отдѣленія академіи вполнѣ соответствовалъ названію сего послѣднаго: занятія по всѣмъ предметамъ перенесены были съ теоретической на практическую почву. По фортификаціи разрѣшались задачи по аттакѣ и оборонѣ крѣпостей, составлялись проекты по возведенію сихъ послѣдніхъ, при данныхъ условіяхъ и при извѣстномъ планѣ мѣстности, по тактикѣ — тактическія задачи на заданныя темы. По военно-строительному искусству и по гражданской архитектурѣ составлялись проекты оборонительныхъ казармъ, приморскихъ батарей, фортовъ, военныхъ зданій, водоснабженія, постоянныхъ мостовъ, жилыхъ построекъ и проч. Ко всякому проекту должна была быть приложена объяснительная записка съ необходимыми схемами и подробными вычлененіями.

Кромѣ проектовъ, въ теченіе года, каждый офицеръ обязанъ быть представить сочиненіе на тему,

избранную имъ изъ фортификаціи, строительного искусства или гражданской архитектуры.

Выпускные экзамены кончались въ послѣдніхъ числахъ мая или въ началѣ июня. Офицеры, получивши, въ среднемъ, выводъ и въ специальныхъ предметахъ, не менѣе 10 балловъ, производились въ инженеръ-поручики *), сохраняли аксельбанты и причислялись къ первому разряду; офицеры, имѣвшіе тотъ же средний выводъ, но получивши изъ котораго-либо специального предмета менѣе 10 балловъ, выпускались подпоручиками въ армейскіе саперы или конно-піонеры и причислялись ко второму разряду, но сохраняли аксельбанты; всѣ остальные составляли третій разрядъ и аксельбанта лишались. Требованія были тяжелыя; случалось, что въ третій разрядъ попадали личности, имѣвшія почти 11 балловъ въ среднемъ, но изъ двухъ специальныхъ предметовъ получивши по 9 балловъ.

Въ гвардію, т.-е. въ гвардейскіе саперы и конно-піонеры выпускались, по желанію, офицеры только первого разряда, прапорщиками съ двухлѣтнимъ старшинствомъ.

Я кончилъ свои воспоминанія. Съ любовью и правдиво пережилъ вновь пятидесятые годы бытія инженерного училища и, прощаясь теперь съ читателемъ (если таковой у меня будетъ), позволяю себѣ воспроизвести передъ нимъ обликъ той школы, которая моя не только образовала, но и воспитала и память о которой для меня неизгладима.

Отъ хорошаго дерева и плоды хороши, отъ хорошей школы — хороиѣ и дѣятели, вѣрные слуги Государю и Отечеству.

Какъ-же послужило симъ послѣднимъ Инженерное училище?

На черныхъ мраморныхъ доскахъ училищной церкви немало записано фамилій воспитанниковъ, на браніи, во славу Россіи, животъ свой положившихъ... На бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ рекреаціоннаго зала, подъ сѣнью креста св. великомученика Георгія, немало георгіевскихъ кавалеровъ...

Это — воины, совершили подвиговъ.

Кронштадтъ охраняетъ Петербургъ, столицу Россіи, мѣстопребываніе Державнаго Хозяина земли русской; какъ замѣчательную военно-инженерную морскую постройку, Кронштадтъ нарочно пріѣзжали осматривать иностранные инженеры. Динабургъ (теперьшній Двинскъ), Ново-Георгіевскъ, Брестъ-Литовскъ, Ивангородъ, Кіевъ оберегаютъ нашу западную границу. Многострадальный, боевой Севастополь, возникшій во время самой осады, давшій возможность развернуться во всю ширь русской доблести и пригвоздившій, на одиннадцать мѣсяцевъ, непріятеля къ Крымскому полуострову...

Чьихъ рукъ это дѣло?

Это — славные памятники учениковъ Инженерного училища, строителей въ мирное и созидателей въ военное время.

А Петровскій и Одесскій порты, работы на рѣкахъ Западнаго бассейна, водопроводы въ привислинскихъ крѣпостяхъ, артезіанскіе колодцы въ Ригѣ и Кіевѣ, висячіе мосты въ Ново-Георгіевскѣ и Брестъ-Литовскѣ и большия желѣзодорожныя?.. А кто были піонерами желѣзного строенія, строителями первой желѣзодорожной сѣти?.. Кто развилъ цементное и асфальтовое дѣло?..

Тѣ-же военные инженеры.

Но этимъ не ограничилась заслуга училища: кромѣ воиновъ и инженеровъ-строителей, оно подготовило профессоровъ по разнымъ наукамъ, дѣятелей на другихъ поприщахъ. Училище не забило природу

*) Читать также и тактику; я упоминаю о немъ въ началѣ воспоминаний.

*) Переименовывались въ инженеръ-поручики и всѣ, жавшіе перейти въ инженерный корпусъ, прикомандированные офицеры.

ная способности учениковъ, не помышало развитию ихъ талантовъ... Имена Тотлебена и Радецкаго окружены ореоломъ военной славы; Паукеръ *) создалъ строительную механику; Лееръ, какъ профессоръ, пользуется европейскою известностью; Струве—строитель замѣчательныхъ мостовъ и организаторъ заводскаго дѣла; Беренсь—известный математикъ; епископъ Игнатій (Брянчаниновъ)—крупный духовный писатель; Сѣченовъ—профессоръ-физиологъ; Достоевскій и Григоровичъ—украшениѳ русской литературы, Кюи—талантливый композиторъ... А мало-ли еще дѣятелей не столь знаменитыхъ и известныхъ, но полезныхъ и много потрудившихся!

Преуспѣвай-же, съ Божіею помощью, Николаевское Инженерное училище, трудись на пользу Великой Матушки Руси и, памятуя свое ирошедшее, будь достойно своего Незабвеннаго Основателя и своихъ Высокихъ Покровителей!

А. Любачъ.

А. Любачъ